Ч 12 3/62

Торжественное собраніе

присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ
округа Московской Судебной Палаты
23 сентября 1916 года.

Къ пятидесятилѣтію московской
присяжной адвокатуры
1866 г.—1916 г.

МОСКВА
1916

Ч 12 3/62

663

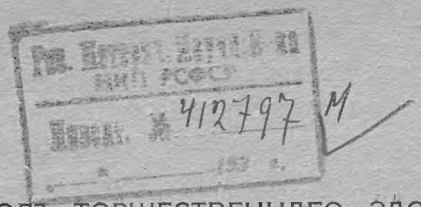
ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНІЕ

по поводу пятидесятилѣтія сословія присяжныхъ повѣренныхъ округа Московской Судебной Палаты.

23 сентября 1866 г.—23 сентября 1916 г.

Гос. Центр. Историческая Библиотека

Библиотека Императ. Росс. Ист.


Инв. № 412797 М

ПРОТОКОЛЪ ТОРЖЕСТВЕННАГО ЗАСѢДАНІЯ

по поводу пятидесятилѣтія сословія присяжныхъ повѣренныхъ Округа Московской Судебной Палаты.

23 сентября 1916 года.

23 сентября 1916 года Московскимъ Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ было созвано торжественное собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ Московскаго Судебнаго Округа, съ участіемъ приглашенныхъ лицъ—представителей судебныхъ, общественныхъ и научныхъ учрежденій г. Москвы и сословія присяжныхъ повѣренныхъ другихъ округовъ, по поводу исполнившагося въ сентябрѣ сего 1916 года пятидесятилѣтія сословія присяжныхъ повѣренныхъ Московскаго Судебнаго Округа (17 сентября 1866 года состоялось первое общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа и 23 сентября 1866 г.—первое засѣданіе Московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ).

Въ 2 часа дня, 23 сего сентября, въ залѣ засѣданій Судебной Палаты, состоялось торжественное молебствіе, а затѣмъ всѣ собравшіеся перешли въ Екатерининскую залу. Въ 3 часа дня Предсѣдатель Совѣта Д. Н. Доброхотовъ, занявъ предсѣдательское мѣсто, открылъ собраніе.

Предсѣдатель Совѣта Д. Н. Доброхотовъ: Имѣю честь открыть общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ округа Московской Судебной Палаты при участіи представителей судебныхъ, общественныхъ и научныхъ учрежденій и представителей адвокатуры другихъ округовъ.

Вступая, можно сказать, на новый путь, указанный намъ исторіей адвокатуры, считаемъ долгомъ въ настоящее время обернуться назадъ, на путь, уже пройденный нами. Московскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, оборачиваясь на этотъ путь, съ признательностью вспоминаетъ прошлое и черпаетъ въ немъ указанія на будущее, ибо будущее строится по прошлому и прошедшее есть

урокъ для будущаго. Не намъ судить о томъ, что сдѣлано въ эти 50 лѣтъ. Можетъ-быть, вамъ, господа, угодно будетъ сказать намъ это. Вы, любезно посѣтившіе наше собраніе, соблаговолите намъ сказать, если найдете нужнымъ, о томъ, что сдѣлало въ теченіе 50 лѣтъ это вновь народившееся сословіе.

Сквозь мягкую дымку времени для насъ и прошлое принимаетъ пріятныя очертанія. Не все прошлое въ нашей власти. Ломкій мостъ времени, по которому мы идемъ, съ каждымъ шагомъ погружается въ вѣчность. Ни отъ одного слова нельзя отречься. Ни отъ одного выступленія нельзя отказаться. Не вернешь того, что сказано и сдѣлано. Но мы этого прошлаго хоронить не желаемъ, каково бы оно ни было. Музыка жизни порвалась бы, если бы мы порвали эти струны въ нашей памяти. Не будемъ тратить времени и ума на размышленіе о прошломъ настолько, чтобы забыть о предстоящемъ намъ будущемъ. Но одного вы не можете отнять у насъ,—это того, что свой образъ дѣйствій мы всегда смѣло и безбоязненно отдавали на судъ общества, печати и судебнаго вѣдомства; и если были грѣхи, и если за ними слѣдовали и отъ общества и печати упреки, мы принимали ихъ къ свѣдѣнію, мы знали, что это справедливые упреки. И когда мы обсуждали положеніе нашего сословія и образъ дѣйствій нашихъ товарищей, мы никогда не извиняли себя ссылкой на плохія времена. На плохія времена тогда ссылаются люди, когда они сами становятся плохи. Еще давнымъ-давно, много вѣковъ тому назадъ, старикъ Полибій говорилъ, что ссылка на времена и обстоятельства есть признакъ природной ограниченности. Мы считали, что все, что намъ сказано, мы должны принять какъ урокъ отъ общества. И вотъ, пройдя 50 лѣтъ, московская адвокатура несетъ свой образъ дѣйствій на вашъ судъ. Если вы нашли нужнымъ прійти любезно въ наше собраніе и если вы найдете возможнымъ, дайте намъ указаніе по этому предмету.

Мы приносимъ вамъ искреннюю свою признательность за то вниманіе, которое вы намъ оказали, и за тѣ указанія, которыя вы намъ сдѣлаете.

Н. В. Тесленко: Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ рождено было чудеснымъ порывомъ законодательнаго творчества,—однимъ изъ тѣхъ порывовъ, которые, къ глубокому сожалѣнію, лишь

изрѣдка нисходятъ на нашу землю, но, снизойдя, оплодотворяютъ ее и даютъ пышный расцвѣтъ русской жизни.

Зарожденіе адвокатуры произошло при предзнаменованіяхъ тяжелыхъ и мрачныхъ. Въ предшествующей исторіи она не имѣла учрежденій, изъ которыхъ постепенно и безболѣзненно могла бы вырасти. Она была созданіемъ новымъ, неизвѣстнымъ и даже вначалѣ непонятнымъ русскому обществу. Авгуры, которые предвидѣли возможность ея появленія, боялись ее. Такъ, министръ юстиціи графъ Панинъ незадолго до изданія Судебныхъ Уставовъ говорилъ: „Вредно и опасно для государства, если глубокое знаніе права будетъ распространено въ классѣ людей, не состоящихъ на службѣ государства".

И, тѣмъ не менѣе, свободная и независимая по мысли Судебныхъ Уставовъ адвокатура родилась. Родилась въ странѣ, про которую поэтъ говоритъ:

„Широки натуры русскія,
Нашей правды идеалъ
Не влѣзаетъ въ формы узкія,
Юридическихъ началъ".

Въ странѣ, гдѣ относительно правосудія того времени, были произнесены страшныя слова: „Она черна въ судахъ неправдой черной". Въ странѣ, въ которой основнымъ правиломъ дореформеннаго процесса было сказанное въ безсмертной французской комедіи: „Тяжба касается просителей, а форма кормитъ судей и секретарей".

И все-таки сословіе присяжныхъ повѣренныхъ родилось. Оно было призвано жить подъ кровлей того величественнаго зданія, которое называется Судебными Уставами и которое навсегда останется однимъ изъ величайшихъ памятниковъ нашего національнаго творчества.

Былъ воздвигнутъ дивный, незапятнанный, сверкающій чистотою храмъ правосудія. Тѣ, кто вступили въ это зданіе, были достойны его. Трудное и новое дѣло суда праваго, состязательнаго, гласнаго и равнаго для всѣхъ, осуществлено усиліями всенародными съ успѣхомъ необычайнымъ.

Но недолго бѣлое зданіе красовалось въ своемъ неомраченномъ величіи. Пришли разрушители и стали искажать чудный планъ геніальнаго зодчаго. Адвокатура, жившая также въ этомъ зданіи

съ болью осязала каждый ударъ, и не разъ при поруганіи святыни изъ рядовъ адвокатуры вырывались крики боли и ужаса, которыхъ разрушители не хотѣли простить ей. Они продолжали дѣлать свое чудовищное дѣло и довели его до крайнихъ предѣловъ, когда судъ по Судебнымъ Уставамъ былъ замѣненъ судомъ по Положенію о земскихъ начальникахъ на протяженіи большей части страны.

Трудны были первые шаги присяжной адвокатуры. Не было извнѣ никого, кто помогалъ бы и поддерживалъ ее. Адвокатурѣ съ самаго начала пришлось встать на свои ноги и итти одиноко. Сословіе присяжныхъ повѣренныхъ принадлежитъ къ числу тѣхъ учрежденій, созданныхъ въ эпоху великихъ реформъ, которыхъ, подобно земскому и городскому самоуправленію, выборному суду, суду присяжныхъ и многимъ другимъ, всегда ненавидѣли и боялись. Съ адвокатурой, какъ и съ этими учрежденіями, боролись, ее тѣснили, толкали, преслѣдовали, а гдѣ нельзя было преслѣдовать, тамъ съ ничтожной и мелочной придирчивостью царапали и оскорбляли. Но сословіе присяжныхъ повѣренныхъ шло своей дорогой и безъ посторонней помощи росло и крѣпло.

Что же поддержало новое сословіе, что укрѣпило его, что помогло этому, казалось бы, хрупкому, чуждому русской жизни растенію, возрасти въ мѣру высокаго дерева, широко раскинувшаго свои вѣтви по родной землѣ и непоколебимо вросшаго въ русскую почву?

Судебные Уставы и вѣрность Уставамъ со стороны присяжной адвокатуры.

Новыя формы процесса, созданныя Судебными Уставами, сдѣлали отправленіе правосудія невозможнымъ безъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Безъ просвѣщеннаго адвоката современный процессъ такъ же не мыслится, какъ безъ судьи и безъ прокурора. Отсутствіе защитника въ уголовномъ процессѣ, какъ и отсутствіе правильнаго представительства сторонъ въ гражданскомъ, есть общепризнанное искаженіе процесса, его уродство. Основное начало современнаго судопроизводства—свободное состязаніе сторонъ, вытекающее изъ французскаго афоризма: du choc des opinions jaillit la verité.

Нашъ незабвенный знатокъ процесса Василій Лаврентьевичъ Исаченко незадолго до своей смерти писалъ: „На судѣ права

должны принадлежать тяжущимся, а обязанности возлагаются на судъ. Судъ смотритъ на стрѣлку вѣсовъ, но до чашекъ не дотрагивается".

Ни наука, ни жизнь, ни теорія, ни практика не предложили донынѣ другой формы отправленія правосудія, чего-либо иного взамѣнъ состязательнаго начала. Но въ состязаніи стороны должны быть равны. А это предполагаетъ необходимымъ сословіе людей независимыхъ, свободныхъ, вооруженныхъ знаніями и талантами.

Другой драгоцѣнный талисманъ, которымъ благословили новорожденное сословіе на жизненный путь его творцы,—это сословное самоуправленіе. Пусть оно было урѣзано, искажено, пусть съ самыхъ первыхъ шаговъ его ограничивали, и даже большую часть присяжной адвокатуры лишили благъ самоуправленія, пусть надъ нимъ господствовали начала ему чуждыя, пусть всячески мѣшали его дѣятельности—и тайно, и явно, и прямо, и косвенно, но подъ сѣнью сословнаго самоуправленія искали прибѣжища люди необъятной духовной мощи, высокихъ талантовъ, неистощимой энергіи, и эти люди сумѣли создать новое сословіе и повести его по славному пути. Благодаря самоуправленію, адвокатура могла выполнить ту задачу, которую на нее возлагали творцы Судебныхъ Уставовъ: окружить новый судъ, среди дремучаго лѣса безправія и всяческой нечистоты тогдашней жизни, окружить его непроницаемой стѣной отъ пагубныхъ вліяній, создать вокругъ него атмосферу нравственной опрятности и непоколебимой неподкупности.

Адвокатура можетъ въ сегодняшній торжественный день, обращаясь къ магистратурѣ, сказать: „Мы пятьдесятъ лѣтъ дѣлали все, что могли, чтобы оградить васъ отъ нечистыхъ покушеній на судъ, чтобы даже самая мысль о томъ, что русскій судъ доступенъ какимъ-нибудь предосудительнымъ вліяніямъ, сдѣлалась грѣховной и невозможной. Мы достигли этого тѣмъ, что сословное самоуправленіе сразу же вступило на путь строгихъ требованій, которыя оно постоянно предъявляло въ теченіе пятидесяти лѣтъ къ членамъ сословія и водворяло въ судебные нравы,—тѣхъ требованій, которыя въ основаніе свое положили высокій принципъ: non omne, quod licet, honestum est".

Не будьте лишь формальными исполнителями законовъ, повторялъ сословный судъ чести,—повторялъ неизмѣнно пятьдесятъ

лѣтъ, но входите въ сущность ихъ и сообразуйте вашу работу съ требованіями нравственности и совѣсти. Ибо судомъ должны править не только bonae leges, но также и boni mores.

Самоуправленіе создало этотъ удивительный товарищескій судъ, который нынѣ съ гордо поднятой головой можетъ сказать: разсмотрите тѣ заповѣди, которыя я начерталъ за пятьдесятъ лѣтъ, тѣ поученія, которыми я наставлялъ своихъ товарищей, и найдите тамъ хотя одно слово, которое оскорбило бы чуткое ухо праведника.

Помогло адвокатурѣ на ея трудномъ поприщѣ и то неоцѣнимое значеніе, которое имѣетъ сословіе свободныхъ служителей права въ жизни государства, и особливо въ жизни такого государства, которое идетъ еще по пути достиженія правового строя. Современное государство можетъ быть основано только на правовой независимости и правовой самодѣятельности всѣхъ гражданъ. Безъ широкаго осуществленія своихъ правъ, безъ того мирнаго правового состязанія, которое давно уже пріобрѣло всеобщую извѣстность подъ именемъ борьбы за право, жизнь государства немыслима. Но эти правовыя достиженія были бы невозможны безъ помощи просвѣщенныхъ свободныхъ правовѣдовъ, подобно тому, какъ невозможна забота о своемъ здоровьи и о своей жизни безъ помощи врачей, вооруженныхъ знаніями и опытомъ, или подобно тому, какъ невозможно возведеніе зданій и сооруженій безъ помощи архитектора. Современное государство изумляетъ невѣроятнымъ, необозримымъ обиліемъ нормъ, руководящихъ жизнью гражданъ. Этимъ нормамъ, ихъ примѣненію дается грозная предпосылка: не отговаривайся никто незнаніемъ закона,—предпосылка, которая явно неисполнима, но безъ которой нельзя требовать повиновенія закону.

И государство, окружая каждаго изъ насъ безконечнымъ множествомъ правилъ, законовъ, предписаній, распоряженій, обязательныхъ постановленій, разъясненій, сознавая полную невозможность разобраться въ нихъ, даетъ въ утѣшеніе опутанному ими гражданину сословіе свободныхъ знатоковъ права, которые должны помогать всякому осуществлять требованія закона, и надѣляетъ сословіе независимостью и самостоятельностью.

Полная независимость сословія присяжныхъ повѣренныхъ является основнымъ началомъ его существованія и

свободной дѣятельности на пользу гражданъ и государства. Ибо граждане въ осуществленіи своихъ правъ должны быть свободны. Могущественное вліяніе государства, подчиняющее себѣ людей, расходится широкими кругами, какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ, захватывая въ свой потокъ и то, что, казалось бы, не подлежитъ его захвату. И если бы граждане были лишены возможности находить опору и поддержку въ независимыхъ толкователяхъ права то свободной и самостоятельной жизни въ государствѣ не было бы.

Независимая адвокатура въ современномъ государствѣ есть институтъ публично-правовой, учрежденіе высокой государственной важности. Безъ нея невозможно осуществленіе основныхъ законовъ, которые говорятъ о правахъ гражданина, ибо адвокатура—независимая и неподкупная толковательница и помощница въ огражденіи и примѣненіи этихъ правъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны государства наблюдается желаніе умалить или стѣснить ихъ.

Къ счастью для себя, присяжная адвокатура съ самаго начала своего существованія поняла глубокій государственный смыслъ своего предназначенія. Давно уже сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, въ томъ числѣ и наше московское, поставило своей задачей создать такія учрежденія, которыя дали бы дѣйствительную возможность каждому желающему осуществить свое право, помочь ему въ томъ. Московская сословная община съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія можетъ сказать, что она, ея члены, внесли крупный вкладъ въ дѣло созданія безплатныхъ юридическихъ консультацій съ самыхъ разнообразныхъ формахъ,—консультацій, которыя старались приблизиться къ населенію, подойти къ нему и дать возможность безъ большихъ затрудненій пользоваться безмездной помощью просвѣщенныхъ юристовъ.

Увы, здѣсь, какъ и повсюду, мы должны съ глубокой горечью вспомнить, что и на этомъ благомъ поприщѣ, столь необходимомъ прежде всего для жизни государства, адвокатура, въ томъ числѣ и московская община, встрѣчала препятствія и препоны, которыя, къ сожалѣнію, остаются еще и доселѣ.

Есть еще одна могучая сила, которая помогала, одухотворяла и окрыляла адвокатуру въ ея трудѣ. Съ первыхъ же дней своей жизни она поняла, что замкнуться въ узкой профессіональной ра-

ботѣ при тѣхъ широкихъ общественныхъ порывахъ, съ которыми адвокатура по самому существу своихъ задачъ тѣснѣйшимъ образомъ связана, это значило бы обречь себя на увяданіе. Адвокатура быстро поняла, гдѣ ея мѣсто, въ чемъ ея роль въ томъ пробужденіи общественныхъ силъ, которое началось со времени эпохи великихъ реформъ. Страна 50 лѣтъ тому назадъ получила зачатки самоуправленія. Государство должно было переходить къ новымъ формамъ жизни, безъ которыхъ самое его существованіе, какъ тому наглядно учитъ насъ вся исторія послѣдняго времени, подвергается опасности. Безъ организованнаго общества нѣтъ государства, нѣтъ собранія объединенныхъ и одухотворенныхъ едиными нравственными началами людей,—есть лишь людское стадо.

Страна стала организовываться, и адвокатура тутъ же поняла, гдѣ она должна быть въ этой огромной величественной работѣ. Она пошла съ русской общественностью, и общественность приняла ее искренно, горячо привѣтствуя великій трудъ адвокатуры, который она приняла на себя. Въ борьбѣ, наполняющей всю исторію послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, адвокатура всегда была на одной и той же сторонѣ и никогда ей не измѣняла. Пусть ее за это преслѣдовали, пусть угнетали, но когда-нибудь поймутъ, что если бы адвокатура поступила иначе, то это означало бы нравственное ея разложеніе и духовную смерть.

За истекшія пятьдесятъ лѣтъ и отдѣльными адвокатами и отдѣльными общинами адвокатовъ совершенъ необъятный безкорыстный трудъ, воздать за который по заслугамъ исторія не забудетъ. Этотъ трудъ свершался всюду, куда звали адвоката истинныя начала безкорыстнаго общественнаго служенія, начиная отъ маленькихъ благотворительныхъ обществъ, продолжая органами самоуправленія и кончая Государственной Думой. Всюду присяжный повѣренный на этой работѣ былъ желаннымъ сотрудникомъ. Многіе члены московской общины съ честью вписали свои славныя имена въ списки гласныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, членовъ и предсѣдателей управъ, городскихъ головъ, членовъ Государственной Думы и, наконецъ, въ этомъ благородномъ состязаніи, да простятъ намъ, если мы сегодня вспомнимъ о томъ, Московская община получила высшую награду въ достопамятный день 27 апрѣля 1906 г., когда глава московскаго сословія присяж-

ныхъ повѣренныхъ Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ, память котораго нами всегда будетъ благоговѣйно чтиться, единогласно былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ первой русской палаты народныхъ представителей.

А въ тѣ дни, когда неумолимыя событія налагали на нашу родину тяжкія испытанія и призывали къ напряженной работѣ общественныя силы, адвокатура всегда являлась на зовъ, и московская община шла въ ногу со всѣми нашими товарищами. Народная совѣсть, оскорбленная, уязвленная войной 1904—1905 гг., понявшая, что тотъ строй, который господствовалъ дотолѣ, ведетъ Россію къ гибели, потребовала реформъ. Адвокатура одна изъ первыхъ пошла по пути этихъ требованій. Московская община адвокатовъ была первымъ официальнымъ учрежденіемъ, которое въ день празднованія сорокалѣтія Судебныхъ Уставовъ, 20 ноября 1904 г., громко высказалась за необходимость реформъ.

Въ засѣданіи Московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ 25 ноября 1904 г. незабвенный его предсѣдатель Даніилъ Іосафатовичъ Невядомскій записалъ опредѣленіе Совѣта, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Близко соприкасаясь, по условіямъ своей профессіональной дѣятельности, со всѣми сторонами родной дѣйствительности, ежечасно наблюдая и переживая на самомъ себѣ всѣ тѣ неисчислимыя и непреодолимыя препятствія, которыя великое дѣло правосудія встрѣчаетъ на своемъ пути въ общемъ строѣ отечественнаго законодательства и управленія, Московскій Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, въ интересахъ довлѣющихъ ему чувствъ законности и порядка, въ настоящій переживаемый нашей дорогой родиной историческій моментъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ присоединить свой скромный голосъ къ тѣмъ заявленіямъ, которыя мощной волной несутся со всѣхъ концовъ земли русской".

Книга журналовъ нашего Совѣта всегда будетъ бережно хранить эти великія слова, какъ памятникъ того, что московское сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ минуту, когда всѣ живыя общественныя силы призывались на историческій смотръ, выполнило свой долгъ такъ, какъ его разумѣло.

Теперь, когда на нашу родину наложены величайшія историческія испытанія, можетъ быть, самыя грозныя, какія когда-либо

переживала страна, не намъ, конечно, судить, исполнили ли мы свои обязанности. Но мы будемъ счастливы, если не услышимъ упрека что адвокатура уклонилась отъ общей работы на благо родины Тѣ изъ нашихъ товарищей, которыхъ долгъ звалъ съ оружіемъ въ рукахъ бороться съ врагомъ, несутъ эту службу, отдавая свою жизнь, свое здоровье за родину. Мы не слыхали упрека кому-либо изъ нихъ, что онъ посрамилъ себя тамъ, вдали, на фронтѣ, и имена тѣхъ изъ нихъ, кто положилъ душу за други своя, будутъ увѣковѣчены въ стѣнахъ этого зданія, а память объ ихъ подвигахъ навсегда запечатлѣется въ сердцахъ нашихъ.

Московская община адвокатовъ, такъ же, какъ и другія, вступила на путь той работы, къ которой былъ призванъ русскій народъ, и дѣлаетъ, что можетъ. Московская адвокатура широко приняла участіе въ величественныхъ созданіяхъ русской общественности, работающихъ на армію, на оборону, на помощь раненымъ и больнымъ воинамъ, на организацію общественныхъ силъ, и, отдавая себя служенію, связанному съ ея профессіональными знаніями, трудится также на широкомъ общественномъ поприщѣ.

Есть еще одинъ источникъ, изъ котораго адвокатура черпаетъ силы для своего служенія. Источникъ этотъ мало замѣтенъ постороннему глазу, о немъ не говорятъ въ печати и не слышно въ обществѣ. О немъ знаютъ лишь адвокаты да тѣ, кто къ намъ приходитъ за помощью для задушевнаго, интимнаго общенія. Источникъ этотъ—слѣдствіе постоянной, каждодневной работы адвоката. Это то глубокое довѣріе, съ которымъ приходитъ къ нему всякій обращающійся и которое является лучшей наградой за тяжелый трудъ.

Адвокатъ—это воспріемникъ человѣческихъ страданій. Онъ никогда не забываетъ, что за нимъ всегда, въ уголовномъ процессѣ тутъ же рядомъ съ нимъ, въ гражданскомъ тамъ, гдѣ-то вдали, но всегда за нимъ, стоитъ волнующійся, страждущій, ожидающій и надѣющійся живой человѣкъ, официально называемый сухимъ, холоднымъ словомъ „кліентъ“. Мы представляемъ этихъ живыхъ людей въ судъ, одѣтыми въ юридическія формы, въ тотъ мундиръ, въ которомъ открытъ доступъ тяжущимся въ храмъ правосудія. Но мы никогда не забываемъ, что подъ этой формой, подъ этимъ мундиромъ бьется живое сердце, струится горячая кровь, и страдаетъ

трепещущій человѣкъ со всѣми его добродѣтелями и пороками, грѣхами и добрыми дѣлами.

Адвокаты—это ходатаи отъ живой человѣческой личности въ безстрастномъ храмѣ правосудія. Законъ слишкомъ узокъ и слишкомъ неподвиженъ въ сравненіи съ необъятной, постоянно скользящей, неустойчивой, вѣчно творящей, мѣняющейся, безконечно разнообразной жизнью. Мыслитель-поэтъ говоритъ: каждый изданный законъ уже устарѣлъ, ибо рука пишущаго медлительна, а духъ человѣческій безконечно гибокъ, и судьба людей пребываетъ постоянно въ движеніи. Законъ—это старое дерево, плодъ котораго горекъ. Долгъ законодателя—постоянно держать сѣкиру наготовѣ, но законодатель всегда опаздываетъ рубить старое дерево и насаждать новое. Законъ—это изсохшая нива, тщетно ждущая живительной влаги, дабы дать молодые всходы, а жизнь и живые люди не ждутъ, они мучаются и страдаютъ.

И на адвокатовъ возложена благородная забота быть ходатаями отъ живой жизни и неизмѣнно взывать къ закону во имя ея. Адвокатъ постоянно стучится въ двери храма правосудія, вѣчно напоминая отъ имени живыхъ, что не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка, не жизнь для закона, а законъ для жизни.

Мы, служители права, приставлены къ нему отъ жизни и живыхъ людей, дабы право не превратилось въ безплодную смоковницу и въ терніи, заглушающіе жизнь, но было бы живоноснымъ источникомъ, орошающимъ ее.

Работа адвоката—это художественное творчество, гдѣ необъятная жизнь даетъ глину, холстъ и палитру, а право даетъ формы, въ которыя должно быть облечено твореніе художника, но содержаніе въ произведеніе искусства вкладываетъ тотъ, кто его творитъ, и вкладываетъ каждый по-своему, въ мѣру своего разумѣнія и таланта.

Краснорѣчіе—вотъ то дивное, чарующее искусство, въ которое выливается творчество адвоката, и было бы непростительно, если бы мы въ этотъ торжественный въ жизни сословія присяжныхъ повѣренныхъ день не вспомнили, что съ рожденіемъ адвокатуры у русскаго искусства родилась и новая муза, имя которой краснорѣчіе. До великихъ реформъ молчала Русь. Не было слышно живыхъ голосовъ, ибо говорили лишь официальные представители

казеннаго краснорѣчія. И только эпоха великихъ реформъ, создавъ состязательный и гласный судъ, земское и городское самоуправленіе, положила начала свободному краснорѣчію.

Проснулся народный геній, и новое искусство расцвѣло пышнымъ цвѣтомъ на родной землѣ. Московская община адвокатовъ исполнитъ лишь свой долгъ, помянувъ и тотъ вкладъ, который сдѣлали въ сокровищницу русскаго краснорѣчія наши незабвенные современники, которыхъ мы, увы, уже больше не услышимъ, но слава о которыхъ не померкнетъ. Имена: Плевако, князя Урусова, Муромцева, Пржевальскаго, Курилова, Одарченко и другихъ достаточно сказали за себя. О живущихъ же говорить не приспѣло время.

Адвокатъ, пришедшій заступникомъ страждущаго человѣка, обращается не только къ разуму, но и къ сердцу судей. Тотъ же поэтъ-мыслитель говоритъ: „Правосудіе, идущее не отъ сердца, есть самая жестокая изъ всѣхъ видовъ земной неправды". И адвокатъ всегда ищетъ дорогу къ сердцу судьи, неизмѣнно напоминая вѣщія слова философа: „Le coeur a des raisons, que la raison ne connait point" (постигнуть сердцемъ все возможно, непостижимое уму).

И на этомъ построено глубокое жизненное значеніе адвокатуры. Тотъ трудъ, который безвѣстно свершается въ тиши нашихъ кабинетовъ, гдѣ мы переживаемъ тяжкія минуты не только разочарованія, иногда даже отчаянія, но и просвѣтляющія мгновенія глубокаго нравственнаго удовлетворенія, отдаемъ мы для облегченія страждущаго человѣка. Теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ жизни адвокатуры, ужъ каждый знаетъ, что, подобно тому, какъ никто не можетъ сказать, что въ труднѣйшія минуты его жизни ему не понадобится врачъ, дабы исцѣлить его тѣло, такъ никто не можетъ теперь сказать, что для огражденія драгоцѣннѣйшихъ благъ: чести, имущества, свободы, спокойствія и даже жизни, не понадобится помощь адвоката. Исторія учитъ насъ, что и носители власти не разъ нуждались въ этой помощи. Къ чести адвокатуры, она никогда не отказывалась бросить утопающему спасательный кругъ, не боясь угрозъ, разбушевавшихся страстей, терпя обиды, гоненія, а иногда рискуя даже свободой и жизнью. Адвокатъ давно уже сдѣлался совѣтникомъ, духовникомъ клієнта, идущаго къ нему не

только за юридическимъ совѣтомъ, но также ищущаго поученія и наставленія отъ богатаго жизненнымъ опытомъ адвоката. Вотъ благодаря чему адвокатура зарылась своими корнями глубоко въ черноземъ народной жизни, и уже вырвать ее оттуда никому не придется. Какъ и всякіе корни, они незамѣтны, но они могучи, и ихъ силою держится наше сословіе.

Адвокатура подводитъ теперь итоги пятидесятилѣтней жизни, создавшей изъ нея учрежденіе общественнаго и государственнаго значенія, поколебать которое невозможно. Она сознаетъ свои недостатки, но въ самоуправленіи и сословномъ судѣ сумѣетъ ихъ врачевать, лишь бы не было въ томъ помѣхъ, а понять свои ошибки это значитъ наполовину ихъ исправить.

Нынѣ адвокатура занята напряженной работой обобщенія опыта, пріобрѣтеннаго полувѣковой жизнью. Въ концѣ пятидесятилѣтія вновь возобновилось единеніе всей русской адвокатуры, столь необходимое для нея и столь грубо прерванно десять лѣтъ тому назадъ. Въ немъ залогъ осуществленія насущныхъ реформъ и удовлетворенія неотложныхъ нуждъ, которыя соборно будутъ обсуждены и уяснены всей адвокатурой. А реформы нужны. Обломки зданія Судебныхъ Уставовъ, надавшіе во время многократныхъ перестроекъ, загромоздили и то крыло его, въ которомъ живетъ адвокатура. Выросшему сословію присяжныхъ повѣренныхъ душно и тѣсно въ старыхъ дѣтскихъ комнатахъ, и оно вѣритъ въ грядущее обновленіе поколебленнаго зданія.

Озираясь на пережитое, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ вспоминаетъ всю нашу судебную семью и въ эту торжественную минуту привѣтствуетъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ мы вмѣстѣ трудились надъ благороднымъ служеніемъ правосудію. Мы шлемъ привѣтъ выступавшимъ на прокурорской каѳедрѣ обвиненія, нашимъ благороднымъ противникамъ, а иногда и союзникамъ въ судебныхъ битвахъ, нашимъ уважаемымъ судьямъ, нелицепріятно рѣшавшимъ наши споры. Мы привѣтствуемъ всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ насъ объединяли въ общей работѣ высокіе порывы, надежды и упованія, радости и печали, тяжкій трудъ и окрыляющее вдохновеніе. Мы шлемъ привѣтъ всѣмъ, кто съ благоговѣніемъ входилъ въ храмъ правосудія, кто служилъ ему не за страхъ, а за совѣсть, кто поклонялся ему въ духѣ и истинѣ, кто чтилъ Судебные Уставы

въ ихъ намѣреніяхъ, а не въ ихъ искаженіяхъ. Мы шлемъ сердечный привѣтъ всѣмъ вамъ, безвѣстные, честные труженики на судебной нивѣ, всѣмъ, которые нелицепріятно творили свое дѣло. кто помнилъ великій завѣтъ Судебниковъ князей Московскихъ: „а судомъ не мстите, ни дружите никому“, для которыхъ не было временныхъ вѣяній и посторонніихъ святому дѣлу правосудія видовъ и намѣреній, но передъ которыми путеводной звѣздой сіяла одна лишь лучезарная истина, и только она.

Мы привѣтствуемъ нашъ несравненный, нынѣ вновь возрождающійся къ жизни, выборный мировой судъ.

Привѣтъ и вамъ, наши сограждане. Мы не видимъ васъ здѣсь, но знаемъ, что вы насъ слышите,—вамъ, которые, въ несчетномъ числѣ, для исполненія тяжелыхъ обязанностей присяжныхъ засѣдалей скромно входили въ эти залы, а выходили изъ нихъ съ высоко поднятой головой и съ просвѣтленнымъ сознаніемъ судей, постановившихъ справедливый приговоръ. Вы зажигали въ насъ лучшія чувства, вы пробуждали неподдѣльное вдохновеніе, передъ вами раскрывались наши сердца, вы заставляли насъ въ трудныя времена хранить вѣру въ русскій судъ и въ русскаго человѣка.

Нынѣ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, окрѣпшее, пережившее болѣзни роста, справившееся съ общественнымъ непониманіемъ своихъ задачъ, преодолѣвшее гоненія и преслѣдованія, смѣло идетъ во второе пятидесятилѣтіе.

Въ благоговѣйномъ почитаніи нашихъ великихъ предшественниковъ, въ искреннемъ желаніи дружной работы и единенія съ магистратурой, съ пожеланіемъ грядущимъ поколѣніямъ поддержать завѣты прежде потрудившихся, адвокатура бодро и радостно вступаетъ въ новую эпоху своей жизни и будетъ итти по своей тернистой дорогѣ, глубоко вѣря въ торжество права и справедливости. Да сопутствуетъ же ей успѣхъ на этомъ славномъ пути.

А. Р. Ледницкій.—У входа на историческое кладбище въ Парижѣ Père Lachaise стоитъ великолѣпный памятникъ-мавзолей, принадлежащій рѣзцу знаменитаго скульптора Barthlomé, на которомъ высится надпись „Aux morts“—„Мертвымъ“. Этотъ монументъ какъ бы вводитъ въ тайну прошлаго, въ храмъ духа и творчества прежнихъ поколѣній, нашедшихъ мѣсто вѣчнаго успокоенія на историческомъ погостѣ; пребываніе на немъ даетъ ми-

путы высшаго наслажденія въ мысленномъ общеніи съ великимъ прошлымъ, въ созерцаніи путей развитія человѣчества,—даетъ это наслажденіе не только французу, но и всякому иному случайному путнику, забредшему туда. Отъ Альфреда де Мюссе до Феликса Фора, могилы которыхъ, у самаго входа на кладбище, привлекаютъ вниманіе посѣтителя, по тѣнямъ поэта до политическаго дѣятеля воскресаетъ все прошлое французской жизни. Въ нашъ сегодняшній торжественный праздникъ, когда мы хотимъ воздать дань должнаго минувшему пятидесятилѣтію русской адвокатуры, когда мысль наша стремительно бѣжитъ назадъ, окидывая взоромъ пройденные этапы нашего развитія, передъ нами встаютъ одинъ за другимъ образы давно минувшей жизни, покинувшихъ насъ навсегда славныхъ дѣятелей адвокатуры. Созерцаніе прошлаго—это предвидѣніе будущаго, это наслажденіе, дающее притомъ возможность наиболѣе правильной оцѣнки настоящаго. По тѣнямъ прошлаго, по портретамъ нашихъ рыцарей слова создать въ мысляхъ иллюзію пантеона защитникамъ права—вотъ задача. Но хватитъ ли силъ и умѣнія ее выполнить, не слишкомъ ли будетъ смѣлымъ стремленіе возсоздать былое, нарисовать художественные облики тѣхъ, которые оставили намъ большое культурное наслѣдіе, найти немеркнувшія краски для воспроизведенія того блеска и красоты, которыми отличались первые созидатели основъ русской общественности. „И въ поблѣднѣвшей фотографіи, которая выцвѣла,—писалъ А. И. Урусовъ въ наброскахъ „Въ царствѣ мертвыхъ—портреты по личнымъ воспоминаніямъ“,—которая выцвѣла подъ вліяніемъ времени и пожелтѣла, все еще хранятся черты умершаго человѣка,—черты его, навсегда исчезнувшаго, сгинувшаго облика. Пускай сходство это будетъ слабымъ, но, основанное на личномъ впечатлѣніи, оно будетъ правдивѣе, чѣмъ описаніе, основанное на свѣдѣніяхъ изъ вторыхъ рукъ“. Передъ нами встаетъ во всей ея свѣжести только что вспаханная цѣлина этой русской общественности, вспоминаются слова И. С. Тургенева: „поднимать слѣдуетъ новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающимъ плугомъ“. Встаютъ передъ нами во весь ростъ тѣ, которые первыми стали у этого сословнаго адвокатскаго плуга и, забирали глубоко, отдавая себя на служеніе новымъ, до сихъ поръ невѣдомымъ, основамъ сословнаго строя адвокатуры. Благодарная память зоветъ въ эту минуту

сюда, въ этотъ историческій залъ, какъ бы для духовнаго съ нами общенія, всѣхъ выдающихся сословныхъ работниковъ, вложившихъ въ созданіе основъ русской общественности, сословныхъ адвокатскихъ традицій, въ служеніе идеѣ правосудія всю силу своего дарованія и увлеченія. Первый предсѣдатель Совѣта М. И. Доброхотовъ, первый строитель Московской адвокатской округи, мало кто изъ нашихъ современниковъ уже лично зналъ этого безсребреника-идеалиста; Д. І. Невядомскій, страстный, съ мефистофельскимъ видомъ и голубиной душой, въ буквальномъ смыслѣ этого слова горѣвшій нуждами сословія, находившій удовлетвореніе своему литературному дарованію въ составленіи нашихъ совѣтскихъ опредѣленій, столь нудныхъ и скучныхъ по своему существу, но подъ перомъ его оживавшихъ, выдвигавшихъ общія проблемы, обобщавшихъ отдѣльные случаи въ кодексъ этики и морали. Грузный, неповоротливый, но чрезвычайно чуткій, отличавшійся крупнымъ выдающимся умомъ, прямотой характера, сознаніемъ личнаго и сословнаго достоинства, живой хранитель нашихъ традицій, достойнѣйшій сословный судья, незабвенный С. И. Филатовъ. Всѣ остальные, имена которыхъ давно забыты, но коллективный трудъ которыхъ въ общей сложности создалъ тотъ вкладъ въ духовную жизнь русскаго общества, подсчетъ которому сегодня мы подводимъ. Да будутъ благословенны имена ваши, имена всѣхъ тѣхъ честныхъ тружениковъ, которые сквозь трудныя условія нашей жизни пронесли свѣтлымъ и незапятнаннымъ знамя адвокатскаго служенія суду и обществу и адвокатскаго профессіональнаго труда.

На протяженіи пятидесяти лѣтъ прошлаго адвокатской жизни не мало было именъ такихъ поборниковъ права и правды, которые заслуживали бы сегодня того, чтобы быть особо помянутыми, но есть имена, которыя являются какъ бы символомъ адвокатуры, воплощаютъ въ себѣ многогранность ея дѣятельности и въ общемъ сочетаніи даютъ яркое представленіе о томъ, что такое русскій адвокатъ. Кто не помнитъ, кому довелось его лично видѣть и слышать, высокаго, немножко согбеннаго, неуклюжаго, съ орлинымъ носомъ, съ глухимъ голосомъ народнаго витіи, тяжелой поступью приближающагося къ пюпитру, точно медвѣдь, идущій на рогатину, силой

своей логики, исключительнымъ анализомъ изслѣдуемыхъ событій, какъ бы подъ себя подбирающаго своего противника и всей мощностью своей фигуры его уничтожающаго,—кто забылъ Владимира Михайловича Пржевальскаго? Въ своихъ рѣчахъ онъ отличался ясностью и точностью изложенія, рѣзкостью мысли и даже слова, но его никогда не оставляло чувство уваженія къ личности, къ противнику, къ сторонѣ, чувство джентльмена; въ своихъ гражданскихъ процессахъ онъ всегда находилъ уравновѣшивающее начало справедливости и правды съ буквой закона. Никогда поэтому его рѣчи не смущали ни судью, ни слушателя софистикой, забвеніемъ того, что право для жизни создано, а не жизнь для сухой и отвлеченной его формы. Педагогъ по призванію, Пржевальскій одно время, до перехода въ адвокатуру, былъ учителемъ въ московскихъ гимназіяхъ, на зарѣ своей жизни написалъ интересную монографію о завоеваніи маврами Испаніи. Въ этомъ его трудѣ сказалось довлѣющее потомъ въ теченіе всей его жизни исканіе основъ человѣческаго общежитія, началъ культуры и ея вліянія на общество,—сказалось, составившее цѣль его жизни, отстаиваніе правъ родного народа на свободное культурное развитіе, на расширеніе участія общества въ созиданіи собственной жизни. Пржевальскій представляетъ собою яркій типъ адвоката цивилиста, адвоката практика, который воплотилъ въ себѣ всю тяжесть повседневной адвокатской работы, изо дня въ день надрывающей корни силы, уничтожающей энергію и молодость, но не подчинившагося силѣ этого давленія а всецѣло его поборовшаго. Гражданская практика, наиболѣе отвѣчающая ясности его ума и точности мысли, не могла его удовлетворить. Онъ искалъ его въ общественной работѣ, и Пржевальскій адвокатъ, Пржевальскій цивилистъ не опредѣляютъ многогранныхъ функцій его жизни, все расширявшихся и охватывавшихъ новые пути. Такъ онъ становится вмѣстѣ съ С. А. Муромцевымъ редакторомъ-издателемъ „Юридическаго Вѣстника“, сыгравшаго столь значительную роль въ исторіи общественнаго развитія Россіи, принимаетъ ближайшее участіе въ работахъ Московскаго Юридическаго Общества, гдѣ отъ начала частнаго, отъ конкретныхъ явленій быта, онъ стремился найти указанія къ установленію путемъ обобщенія нормъ права и интерпретаціи закона. Но не удовлетворяютъ его и эти рамки изслѣдователя и защитника права. Онъ вступаетъ на

путь непосредственнаго служенія обществу, Москвѣ, избирается гласнымъ Московской городской думы. Неоцѣнима доля участія Владимира Михайловича въ творческой работѣ смѣнявшихся поколѣній общественныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, дружными усиліями которыхъ создано изъ шестигласной дореформенной думы великолѣпное зданіе современнаго Московскаго муниципалитета, столь сильно вліявшаго не только на ростъ и развитіе хозяйственной жизни первопрестольной столицы, но и бывшаго примѣромъ дѣйствительнаго служенія родинѣ, въ самыя трудныя минуты ея существованія, вліявшаго на политическое самосознаніе всей Россіи, доходившаго въ своихъ пригворахъ до высокаго пафоса жизни. Было бы ошибкой думать, что Пржевальскому, чаще всего работавшему надъ изслѣдованіемъ сухихъ гражданскихъ споровъ, были чужды художественныя эмоціи. Иногда онъ выступалъ и въ уголовныхъ процессахъ, гдѣ, несмотря на весь опытъ и знаніе, онъ предавался волненію художественнаго творчества и заставлялъ глубоко волноваться своихъ слушателей. Я живо вспоминаю процессъ, который лѣтъ 20 тому назадъ протекалъ въ Смоленскѣ, о злоупотребленіяхъ въ Вяземскомъ городскомъ общественномъ банкѣ. Дѣло слушалось въ Московской судебной палатѣ съ сословными представителями, и Пржевальскій защищалъ главу этого банка Гайдукова, своего стараго гимназическаго товарища. Обвинителемъ былъ М. Ф. Громницкій. Наступалъ день преній. Мнѣ тогда, молодому еще адвокату, естественно не спалось. Въ пятомъ часу утра я вышелъ въ коридоръ гостиницы и, къ удивленію своему, встрѣтилъ Владимира Михайловича, полураздѣтаго, возбужденнаго, въ одиночествѣ гуляющаго и въ внутреннемъ переживаніи ищущаго вдохновенія. Сказанная имъ на слѣдующій день защитительная рѣчь произвела глубокое впечатлѣніе и была прекраснымъ художественнымъ произведеніемъ. Эта вѣчная боязнь, что не все такъ сдѣлаешь, какъ нужно, опасеніе, что не удастся нарисовать истинную картину событія, сомнѣніе въ своихъ силахъ—составляли основную черту характера Пржевальскаго и служили лучшимъ доказательствомъ, заложеннаго въ душѣ его большого художественнаго таланта.

Въ жизни каждаго человѣка есть единственные моменты. Искусство фиксируетъ эти моменты и даетъ человѣку иллюзію вѣчности, а посему оно самое драгоцѣнное украшеніе жизни", писалъ въ письмѣ тотъ, кто съ удивительной скромностью, съ необычайной изящностью обратилъ къ Jule Favre'у слова, которыя правильнѣе могли быть обращены къ нему самому: Avocat prince—prince des avocats. Русскій баринъ, воспріявшій всю красоту прошлой эпохи шестидесятыхъ годовъ, воспитанный на западно-европейскій ладъ, блестяще образованный, бывшій подъ вліяніемъ извѣстнаго въ свое время въ Москвѣ педагога-француза Dumouchel'я и не менѣе извѣстнаго нѣмца въ Москвѣ Holland'а, князь Александръ Ивановичъ Урусовъ былъ яркой и импозантной фигурой русской адвокатуры. Его европеизмъ, стремленіе найти удовлетвореніе прежде всего въ началахъ прекраснаго, изящнаго, въ красотѣ, искусствѣ, его увлеченіе театромъ, сценой, театральной критикой, которая доставляла ему больше непріятностей, чѣмъ удовольствія, его литературные вкусы, поклоненіе Флоберу, бывшему настольной его книгой,—все это отдѣльныя черты многогранной души и характера Александра Ивановича, это отдѣльные звуки художественной сонаты, въ тайникахъ его творчества исполнявшейся. Прежде всего красота, стремленіе ее опредѣлить, явленіямъ жизни придать отвѣчающіе требованіямъ искусства художественные образы и формы. Его влечетъ главнымъ образомъ красочная сторона жизни, она фиксировала его вниманіе. Какъ въ настоящемъ онъ искалъ главнымъ образомъ прекраснаго, такъ и въ прошломъ, когда онъ на немъ останавливался, когда его пытливый умъ заглядывалъ въ покрытую завѣсой забвенія тайну былого, то и здѣсь его вниманіе сосредоточивалось на тѣхъ сторонахъ минувшаго уклада, которыя его характеризовали съ культурной точки зрѣнія, которыя, будучи внѣшнимъ отраженіемъ быта, больше всего могутъ дать вдохновеніе настроеніямъ, выраженнымъ риѳмой, прозой или кистью художественнаго творчества. Онъ увлекался коллекціонированіемъ, страсть его не опредѣлялась желаніемъ механическаго скопленія извѣстнаго количества интересныхъ предметовъ,—нѣтъ, она была болѣе глубокой. Онъ хотѣлъ при ихъ помощи видѣть прошлое, читать книгу прошедшихъ дней; онъ смотрѣлъ на эти предметы, какъ на документы давно ушедшей въ вѣчность эпохи, и по нимъ въ своемъ воображеніи воссоздавалъ

ее во всей ея полнотѣ, какъ бы живя въ эти минуты созерцанія и размышленія запросами и волненіями тѣхъ временъ; тѣмъ самымъ онъ устанавливалъ преемственную связь своей творческой мысли съ работой, его вдохновлявшей, минувшихъ поколѣній. „Они документируютъ,—писалъ онъ по поводу своего увлеченія коллекціонированіемъ предметовъ искусства,—эпоху и складъ жизни, уже отошедшей въ вѣчность". Европеизмъ Урусова это не столько чуждая русскому характеру методичность, не тотъ дѣловой эгоизмъ западноевропейскаго типа людей, по поводу которыхъ Герценъ говорилъ, мѣнять ли на нее, на эту западную бытовую культуру, нашу русскую распущенность, сколько гармоническая свобода духа, изящество внѣшней и интеллектуальной жизни, весь блескъ и утонченность культуры,—по преимуществу французской. Вся его внѣшность, манеры, все указывало, гдѣ корни его психологическихъ настроеній, взглядовъ и вкусовъ. Высокаго роста, стройный, съ нѣсколько ироническимъ, насмѣшливымъ видомъ, отлично владѣющій языками, въ особенности французскимъ,—всѣмъ своимъ видомъ указывалъ, что это европеецъ, сильно тяготѣющій къ Западу и, главнымъ образомъ, къ колыбели культуры — Франціи. Прекрасное знаніе французскаго языка и связи съ Парижемъ дали Александру Ивановичу случай выступить въ судѣ въ Парижѣ, гдѣ онъ защищалъ литератора Bloi. Въ одномъ изъ писемъ къ А. Ф. Кони въ 1879 году Александръ Ивановичъ опредѣлилъ свое отношеніе къ западноевропейской культурѣ; онъ писалъ: „Жалкими кажутся мнѣ нѣмцы со всею ихъ гемютлихкейтъ и геніалитетъ при сравненіи съ умною латинскою расою. Провинціаленъ нѣмецъ и неуклюжъ, амбицію въ себѣ такую имѣетъ, что первымъ въ мірѣ себя почитаетъ. Въ сущности повальная посредственность. Размышленія эти навѣяны мнѣ всѣмъ моимъ долголѣтнимъ знакомствомъ съ нашими культуртрегерами". Художественному его инстинкту ближе былъ индивидуализмъ французской жизни, торжество личности ему не могло быть чуждо и даже не могло не претить начало коллективизма нѣмецкой идеологіи, порабощенія личности, подчиненіе всецѣло догмѣ матеріалистическаго ученія. Въ своихъ замѣткахъ о Парижѣ Александръ Ивановичъ писалъ: „Даже Бедекера „Paris" читаю съ умиленіемъ, только мѣста, гдѣ повѣствуется о нѣмецкихъ побѣдахъ 1870—71 годовъ, я вымаралъ съ ожесточеніемъ, какъ посягательство варваровъ

на городъ, вмѣстившій въ себѣ Римъ, Аѳины и Іерусалимъ". Парижъ въ его представленіи былъ синтезомъ міровой культуры, тѣмъ родникомъ, живительная влага котораго могла утолить жажду каждаго, истомленнаго исканіемъ ключа для разрѣшенія міровыхъ проблемъ. Сколь проникновенны и провиденціальны его слова: сколько внутреннихъ потрясеній пришлось бы ему перенести, сколько горькихъ разочарованій испытать, если бы судьба дала возможность ему до нашихъ дней дожить. Въ Урусовѣ, какъ ораторѣ, въ его рѣчахъ, построенныхъ всегда на аналитически-скептическомъ методѣ изслѣдованія, поражала извѣстная безстрастность. Даже въ минуты самаго высокаго подъема онъ никогда не сливался съ личностью подсудимаго, не страдалъ его горемъ и несчастіемъ, а всегда отходилъ отъ него на извѣстное разстояніе и тонкимъ скальпелемъ логики искалъ истину. Его рѣчь поэтому, рѣчь плавная, стройная, съ свойственнымъ ему юморомъ, сказанная красивымъ, мягкаго тембра, голосомъ при блестящей его внѣшности и утонченныхъ формахъ держанія себя на судѣ, свойственныхъ прекрасно воспитанному аристократу, прежде всего очаровывала слушателей, а по мѣрѣ развитія его логическихъ построеній окончательно ихъ покоряла. Она не создавала непосредственнаго впечатлѣнія лавины, съ страшной силой обрушивающейся на слушателя и не дающей возможности даже собраться съ своими впечатлѣніями, одуматься и дать въ нихъ себѣ отчетъ, какъ это бывало у Плевако; подъ вліяніемъ рѣчи Урусова слушатель чаще выходилъ вполнѣ убѣжденный и спокойный, испытавшій чувство удовольствія отъ созерцанія красивой, не волнующей картины, чѣмъ глубоко растроганный, пережившій большія душевныя эмоціи. И это настроеніе онъ умѣлъ создавать, создавать атмосферу созерцанія и размышленія: блаженнаго и спокойнаго. „Я знаю,—писалъ онъ о себѣ,—искусство вызывать блаженныя минуты". Въ одинаковой степени, на скамьѣ ли защитника или на трибунѣ прокурора, онъ былъ всегда блестящій исполнитель поставленной ему задачи и даже, скажу больше, скептицизму его души скорѣе отвѣчала роль обвинителя, носителя общихъ интересовъ и государственныхъ задачъ, чѣмъ защитника. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ А. Ф. Кони еще въ началѣ своей прокурорской дѣятельности Александръ Ивановичъ писалъ: „Теперь я чувствую, что перевѣсъ достоинства и важности защи-

щаемыхъ интересовъ на сторонѣ государственнаго обвиненія. Оно вѣрное, иногда вдесятеро труднѣе защиты, гарцующей на легконогомъ скакунѣ сомнѣнія". Въ Варшавѣ въ извѣстномъ процессѣ объ убійствѣ профессора Гирштовта онъ явился обвинителемъ убійцы. Съ какимъ блескомъ, съ какимъ богатствомъ красокъ онъ изобразилъ передъ слушателями картину событія, и, какъ сейчасъ, помню слова, которыми онъ закончилъ свою рѣчь: „Ты не умѣлъ жить праведно подъ яснымъ небомъ Польши, такъ ступай туда, гдѣ подъ ледянымъ небосклономъ Сибири найдешь надлежащее себѣ возмездіе, а можетъ-быть и раскаяніе". Ему не разъ приходилось выступать въ роли обвинителя или гражданскаго истца, и неизмѣнно обнаруживалась отличительная его черта, сдержанность, иногда даже холодная, но столь нужная и цѣнная въ особенности для прокурора, способность къ объективизму, безстрастной оцѣнкѣ положенія, въ результатѣ чего получались съ неотразимой силой грозные выводы, обвиненія. Я сейчасъ вспоминаю знаменитый процессъ Московскаго Городского Кредитнаго Общества, гдѣ онъ выступалъ гражданскимъ истцомъ,—выступалъ, когда стоялъ почти на порогѣ того міра, больной, плохо слышавшій, съ слуховой трубкой, немощный физически—и надо было видѣть, какъ онъ преобразился во время своей рѣчи, съ какой силой, подъемомъ, въ которомъ чувствовалось истинное негодованіе гражданина, съ какимъ размахомъ нарисовалъ картину паденія нравовъ и пренебрежительнаго отношенія къ праву. Казалось, вся молодость вернулась къ нему въ эту минуту, онъ точно на зарѣ своей юности, вдохновленный лучшими чувствами, изъ глубинъ его души идущими, произнесъ свою блестящую лебединую пѣснь. О, сколь велика сила истиннаго вдохновенія, магически превратившая надломленнаго жизнью старика въ полнаго духовныхъ силъ молодого человѣка! Въ этой именно роли обличителя неправды, глумленія надъ совѣстью и закономъ, совершенно безразлично, выступалъ ли онъ защитникомъ литовскихъ крестьянъ, обвинявшихся въ сопротивленіи власти при отстаиваніи ими своего храма, какъ это было въ дѣлѣ о бунтѣ въ Крожахъ, или въ прямой роли обвинителя, онъ достигалъ большей высоты. Сомнѣніе, скептицизмъ—отличительныя черты Александра Ивановича, аристократа по всему укладу его души и привычекъ, эпикурейца, какъ будто, кромѣ красоты и удовольствія, отъ жизни ничего

себѣ не требовавшаго, однако не вполнѣ его опредѣляли. На ряду съ этимъ на днѣ души его лежали глубокія начала нравственности, сознанія общественнаго и гражданскаго долга, которыя не дали ему возможности использовать широко открывавшійся для него путь бюрократической карьеры, а толкнули его на бурное адвокатское поприще, гдѣ мятежный духъ его, вѣчно сомнѣвающійся и всюду ищущій истины, нашелъ хоть нѣкоторое удовлетвореніе, ибо не въ спокойномъ порту всякаго благополучія таился источникъ его личнаго счастья. И этотъ эпикуреецъ, живущій красками и образами, въ тотъ моментъ, когда сталъ приближаться роковой конецъ его земного существованія, предсталъ предъ нами совсѣмъ въ иномъ видѣ; безсмертный духъ, въ немъ жившій, даетъ намъ прекрасный образъ стоика, съ холоднымъ спокойствіемъ подчиняющагося неизбѣжному. Въ одномъ изъ писемъ незадолго до своей кончины, написанныхъ почти наканунѣ своей смерти, онъ писалъ: „Новый консиліумъ послѣ осмотра призналъ слишкомъ слабымъ, чтобы ѣхать куда бы то ни было, развѣ только на Ваганьково, очень здоровое кладбище. Ни въ Эссентуки, ни за границу. Сердце бьется 98 въ минуту, сильная слабость. Впрыскиваніе пилокарпина—20 кончены. 3/4 полное фіаско. Начаты впрыскиванія мышьяку. Приступимъ къ этому весело. 30 впрысканій—пустякъ. Жму руку своему зятю и цѣлую крестницу и тебя. А маіоръ? Перевезъ ли онъ свой монокль? Счастливый смертный! Можетъ видѣть и слышать. Я бы сейчасъ отдалъ за это одну ногу. Александръ". Черезъ нѣсколько дней его не стало. Замолкли навсегда дорогія уста, много сокровеннаго въ художественныхъ образахъ передъ нами воскресавшія. Умеръ большой художникъ: Петроній русской адвокатуры. У Петронія-Сенкевича, у его изголовья лежала и вмѣстѣ съ нимъ умирала воплощенная красота—Эвника. У изголовья умирающаго А. И. Урусова лежала иная эмблема красоты; о ней онъ писалъ изъ Бодлера: „воспоминаній мать, любовницъ всѣхъ царица—книга". Съ Флоберомъ въ рукахъ умеръ.

При опредѣленіи художественнаго облика А. И. Урусова наша мысль непосредственно направляется въ сторону близкаго ему по духу И. С. Тургенева, давшаго лучшіе типы русскаго барства. Если непосредственная духовная между ними связь, вытекающая изъ общности культурныхъ вліяній, изъ однихъ и тѣхъ же русскихъ

и западно-европейскихъ идейныхъ источниковъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ складывалось ихъ міросозерданіе и художественныя творческія силы, если эта связь чрезвычайно ярка, то корни дарованія таланта, близкаго къ геніальности, корни духовнаго уклада знаменитѣйшаго русскаго оратора, Плевако, покоились тамъ, гдѣ былъ источникъ творчества одного изъ величайшихъ русскихъ писателей—Достоевскаго. Глубоко національный характеръ, глубокія народныя черты творчества Плевако, исключительная его сила и мощь ставятъ его на тотъ пьедесталъ, который до сихъ поръ едва ли былъ доступенъ кому бы то ни было другому изъ русскихъ художниковъ слова. Опредѣлить Плевако—это постичь тайну вдохновенія, вдохновенія надломленной души. Аристотель опредѣлялъ художественное творчество, какъ способность воплощенія истиннаго при отождествленіи истины и красоты. Платонъ находилъ, что творческій процессъ обусловливаетъ психическій аффектъ. Едва ли не наиболѣе правильнымъ представляется именно это опредѣленіе, ибо поистинѣ переживанія вдохновеннаго творчества, похожія на состояніе транса, въ которомъ въ это время находится художникъ, поэтъ, писатель, художникъ кистью или ораторъ, вызываютъ почти физіологическія явленія, иногда близкія къ патологическимъ, поднимаютъ художника на недосягаемую для обыкновеннаго состоянія высоту, съ которой ему открываются необозримые горизонты. Это моменты величайшаго наслажденія, сопровождающіеся обыкновенно муками сомнѣнія, даже чувствомъ необъяснимаго страха; все это исчезаетъ въ тотъ моментъ, когда наконецъ обрѣтается, подсознательно таившаяся въ невѣдомыхъ глубинахъ идея, когда она выливается въ отвѣчающую—началу прекраснаго форму. „Я чувствовалъ въ такія минуты,—говорилъ Адамъ Мицкевичъ, точно надъ головой моею раскрывалась какая-то чаша съ неизвѣстнымъ содержимымъ, которая проникала въ горящій муками творчества мозгъ и наполняла его сразу яснымъ сознаніемъ, просвѣтленіемъ, точно свыше осѣняющимъ указаніемъ наконецъ найденныхъ путей художественнаго созиданія". Эта искра Божія, зажигавшая душу художника, съ необычайной силой передавалась въ минуты подъема слушателямъ Плевако и сливала ихъ въ одно гармоническое цѣлое.

Опредѣлить источники вдохновенія многогранной и сложной натуры

Плевако не легко. Онъ былъ полной противоположностью А. П. Урусову, который увлекался красотою построенія, котораго манилъ блескъ изящной формы; а Плевако опускался на самое дно глубинъ человѣческой души, проникался содержаніемъ психологическаго процесса, существомъ представшей предъ нимъ проблемы человѣческой жизни. Его любовь къ человѣку, стремленіе найти причины изслѣдуемаго явленія, опредѣлить моральную его сторону, общественныя условія его возникновенія составляли основную черту его дарованія. Плевако съ ранней молодости чувствовалъ сильное влеченіе къ религіи, къ церкви. Многіе смотрѣли на это съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ. Вытекало ли это влеченіе изъ довлѣющихъ ему философско-религіозныхъ идеаловъ, было ли оно результатомъ велѣнія нравственныхъ началъ, этого источника его духовнаго настроенія и благоговѣнія передъ силой Откровенія; было ли это отраженіемъ блеска давно минувшей старины, которая самимъ ритуаломъ, божественнымъ служеніемъ говорила ему о великолѣпіи прошлаго; была ли это сила вліянія красоты воплощенной въ формы религіозной службы, мистической и сокровенной, пріобщавшей художника къ невѣдомому міру и создававшей трепетное настроеніе мечты и исканія, въ созерцаніи великихъ началъ — не берусь разгадать. Въ согласіи съ этимъ Плевако часто черпалъ въ священномъ писаніи слова, которыя заключали въ себѣ не только особую прелесть необычной формы изложенія, но и вѣчныя мысли о правдѣ, о суетѣ жизни, о пустотѣ всего земного, неодухотвореннаго. Поэтому его ораторское искусство въ извѣстные моменты приближалось къ типу духовнаго краснорѣчія, его слова зачастую не столько были словами защитника, сколько проповѣдника, моралиста, возвышавшагося всей силой своего душевнаго подъема надъ уровнемъ всего окружающаго. Пусть въ жизни, въ постоянномъ повседневномъ обиходѣ онъ не одолѣвалъ свойственныхъ человѣку слабостей, пусть искушеніямъ жизни онъ не противопоставлялъ желѣзной силы принципа и воли, пусть даже слабость его вызывала нареканіе, упреки въ несоотвѣтствіи съ тѣмъ, что онъ говорилъ въ своихъ рѣчахъ, пусть даже его обвиняли въ неискренности и фарисействѣ. Но тѣмъ не менѣе въ тѣ моменты, когда онъ былъ во власти вдохновенія, во власти генія слова, онъ вѣщалъ правду, въ которую самъ въ эту минуту не только искренно вѣрилъ, но и душою се всецѣло

постигалъ. Въ эти минуты съ нимъ происходило цѣлое преображеніе, онъ даже внѣшне мѣнялся. Съ некрасивымъ лицомъ, калмыцкаго типа, выдающимися скулами, лохматый, нѣсколько сутуловатый, средняго роста, Плевако во время рѣчи какъ бы вырасталъ, глаза его горѣли, лицо отражало все содержаніе рѣчи, то было грозно отъ негодованія, то манило ласкою любви и состраданія, то увлекало силою сосредоточеннаго проникновенія въ тайники страдающей души. Его интуитивность открывала необычайныя перспективы, онъ дѣлался визіонеромъ, и въ этомъ состояніи онъ видѣлъ то, что было сокрыто для другихъ, онъ постигалъ и раскрывалъ самыя необъяснимыя и сложныя явленія быта, поступки отдѣльныхъ лицъ. Въ эти минуты зала замирала подъ вліяніемъ необычайной мощи слова, въ это время воля, мысль отдѣльныхъ личностей сливалась въ одно коллективное цѣлое и послушно подчинялась силѣ оратора, по временамъ оратора пророка, псалмопѣвца, поэта, философа, страдающаго за человѣка, бичующаго уродливыя явленія жизни. Его называли русскимъ златоустомъ, и это ему по праву принадлежало, не только за красоту рѣчи, но и въ силу болѣе глубокаго параллелизма съ отцомъ вселенской церкви Іоанномъ Златоустомъ. Что вдохновляло его въ такіе моменты, что создавало его настроеніе, порывы. Полная противоположность агностику Спасовичу, позитивисту, міросозерцаніе котораго у Вольтера и Жанъ Жака Руссо брало начало, Плевако искалъ общенія съ невѣдомымъ и неосязамымъ, стремился его взять въ свое обладаніе.

„Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ,
Много чудесныхъ въ немъ сочетаній и слова и свѣта,
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть и слышать".

Плевако умѣлъ и видѣть и слышать. Для него были открыты не только настоящее, но прошлое, а иногда и будущее. Чѣмъ объяснить эту особую его силу, эту его раздвоенность жизни личной и основъ духовнаго творчества? Не сочетаніемъ ли двухъ противоположностей, началъ славянскаго по отцу польскаго характера, воспламеняющагося, экспансивнаго, и по матери монгольскаго, отражающаго въ себѣ мечту и лѣнь востока, тоску степей необъятныхъ?

Не отраженіемъ ли подсознательнымъ давно минувшей борьбы стихій, востока съ западомъ, борьбы славянъ съ монголами? Кто въ состояніи постичь все это и объяснить? Его любовь къ прошлому привела къ изученію русской старины, стариннаго быта, картинъ, ушедшихъ въ область преданій лѣтописцевъ, сказаній Пимена, жизни боярской Руси. Неотдѣлимымъ отъ всего этого была русская церковь, и не въ этомъ ли надо искать объясненіе его поклоненія церковному началу? Его ораторское краснорѣчіе обогатило русскій языкъ новыми словами и въ умѣніи пользоваться богатствомъ языка, красотою его формы, оборотовъ, отдѣльныхъ выраженій, его звуковыми эффектами сказывалась необычайная любовь къ родному языку, которымъ онъ не только въ совершенствѣ владѣлъ, но постигъ все его содержаніе, всю его духовную сущность. Дѣйствительно, оратору недоступны высшія формы краснорѣчія, безъ глубочайшаго пониманія, того сокровеннаго, въ языкѣ каждаго народа, которое заключаетъ въ себѣ все прошлое, все существо, всѣ содержаніе народной души, народнаго характера. Плевако передъ своей аудиторіей далеко выходилъ за предѣлы адвокатской роли. Изъ защитника онъ превращался въ пророка, глашатая правды и морали, онъ превращался въ обвинителя, негодующаго и рѣзко съ большой силой хлеставшаго общество, отдѣльныя группы и отдѣльныхъ людей за ихъ нечестивыя и безнравственныя дѣянія, иногда всецѣло дѣлался изъ стороны свидѣтелемъ, едва ли не очевидцемъ, мыслью увидѣвшимъ то, что желали скрыть. Онъ рисовалъ образы за образами, передъ очарованными слушателями возставали картины быта обездоленной, безправной Россіи, торжества кулака, безличности — не защищенной личности. Если Урусовъ былъ баринъ и аристократъ по духу и демократъ по убѣжденію, то Плевако, прошедшій самую тяжелую школу жизни, отъ нищеты и неизвѣстности дошедшій до денегъ и славы, былъ всѣмъ своимъ существомъ демократомъ, разночинцемъ и до конца дней своихъ таковымъ остался. Если Муромцевъ въ демократическихъ группахъ находилъ широкое поле для примѣненія своихъ политическихъ взглядовъ, оставаясь однако аристократомъ по духу, вслѣдствіе чего у него было мало общаго съ народными массами, устройство правъ которыхъ составляло цѣль его жизни, то Плевакѣ именно были близки эти народные низы,

онъ ихъ отлично понималъ, онъ имѣлъ съ ними общій языкъ. Поэтому Плевако особенно былъ силенъ не тогда, когда онъ являлся защитникомъ сильныхъ, властныхъ и богатыхъ, а тогда, когда его голосъ возвышался въ защиту бѣдныхъ и обездоленныхъ, когда онъ былъ защитникомъ мѣщанской тяготы и мужицкаго безправія. Быстро схватывая существо дѣла, стремясь вникнуть въ истинныя причины случившагося, Плевако мало интересовался детальной разработкой дѣла, зачастую даже плохо его зналъ, въ особенности въ послѣдніе годы своей жизни, а бралъ его съ налета, однимъ взмахомъ своего ума. Вполнѣ правильно писалъ о немъ А. Ф. Кони: „Онъ не удостаивалъ дѣла своимъ просвѣщенныхъ вниманіемъ подобно Урусову, а вторгался въ него, какъ на арену борьбы, расточая удары направо и налѣво, волнуясь, увлекаясь и вкладывая въ него чаянія своей мятежной души". Основнымъ условіемъ успѣха рѣчи Плевако была вѣра въ правоту защищаемаго имъ дѣла. Урусовъ, рѣчь котораго всегда отличалась разсудочностью, тщательнымъ анализомъ, мастерской ироніей и литературной стройностью, скорѣе могъ справиться съ шаткостью своего положенія въ судѣ, чѣмъ Плевако, котораго прежде всего поглощало раскрытіе внутренняго смысла изслѣдуемаго явленія, который художественными образами приводилъ слушателя къ нужному для него настроенію и рѣшенію. И въ тѣхъ случаяхъ, когда Плевако чувствовалъ неправильность или сомнительность своей позиціи, когда въ душѣ онъ расходился съ тѣмъ, что ему приходилось отстаивать, то онъ терялся, не находилъ словъ и былъ ниже средняго адвоката. Въ одной изъ московскихъ судебныхъ залъ разбиралось дѣло подрядчика, обвинявшагося въ мошенничествѣ, построившаго домъ на плохомъ цементѣ, и защитительная рѣчь Плевако была очень неудачна. Прокуроръ подчеркнулъ это, отмѣтилъ слабость защиты Плевако, неубѣдительность его рѣчи, кольнулъ его шаткостью доказываемыхъ имъ положеній. Плевако весь вспыхнулъ и съ большимъ подъемомъ отвѣтилъ: „О, если бы, господинъ прокуроръ, у защитника была вѣра въ правоту своего дѣла, то у него нашлись бы такія слова, которыя заставили бы васъ совсѣмъ замолкнуть". У него находились въ такихъ случаяхъ слова. Онъ умѣлъ бороться даже съ враждебнымъ себѣ настроеніемъ. Былъ случай, когда присяжные засѣдатели, послѣ рѣчи прокурора заявили, что они счи-

тают дѣло достаточно разъясненнымъ и не желаютъ слушать защитника; Плевако вскочилъ и съ громадной силой буквально набросился на присяжныхъ, сказавъ, что законъ ему далъ право здѣсь говорить и онъ будетъ говорить, заставитъ ихъ слушать, и они будутъ его слушать. Прошло немного времени, присяжные слушали уже съ неослабнымъ вниманіемъ и въ концѣ концовъ оправдали подсудимаго. Особенно онъ былъ силенъ въ процессахъ, гдѣ могло найти выраженіе его отношеніе къ бѣднотѣ, къ обездоленнымъ людямъ, страстотерпцамъ коморокъ и подваловъ, къ меньшимъ братьямъ, тяжкимъ положеніемъ которыхъ болѣла надломленная его душа, полная внутреннихъ противорѣчій. Въ рѣчи по Сѣвскому дѣлу, онъ говорилъ, что „подстрекатель нашего бѣднаго люда — ставни, загораживающія доступъ свѣта въ убогіе дома его". Въ другой, въ одной изъ лучшихъ его рѣчей по лютерическому дѣлу, рѣчи, сказанной съ огромной силой и произведшей неизгладимое впечатлѣніе на всѣхъ, ее слышавшихъ, онъ говорилъ: „Если я, сытый, давно сытый человѣкъ, не умѣю понять и выразить муки голоднаго безправія, пусть они сами говорятъ за себя... О, гг. судьи, ихъ тупые глаза умѣютъ плакать и горько плакать, ихъ загорѣлыя груди вмѣщаютъ въ себѣ страдальческія сердца, ихъ несвязныя рѣчи хотятъ, но не умѣютъ ясно выразить своихъ просьбъ о правдѣ, о милости. Люди они, человѣки. Судите же по человѣчески". Въ этихъ прекрасныхъ словахъ во всемъ блескѣ сказался апостолъ бѣднаго люда, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, со всѣхъ сторонъ Россіи къ нему стекавшагося за помощью и защитою и сдѣлавшаго имя его нарицательнымъ. Опредѣлить значеніе „русскаго Плеваки" для нашей адвокатуры, думаю, что лучше всего будетъ сказать словами тѣхъ, для которыхъ онъ былъ наиболѣе дорогъ: „Благодарная Россія безправныхъ и обездоленныхъ въ сердцѣ своемъ создала нетлѣнный памятникъ народной любви и легендарнаго имени". Самъ Федоръ Никифоровичъ въ послѣдній годъ своей жизни былъ очень удовлетворенъ и съ гордостью разсказывалъ о томъ, какъ онъ получилъ въ Москвѣ письмо, откуда то изъ деревни, по мужицкому дѣлу, со слѣдующимъ, написаннымъ корявыми буквами адресомъ: „Москва, Господину Плевако, защитнику вдовъ и сиротъ и отъ прочихъ несчастныхъ случаевъ". Въ жизни, Плевако, многіе справедливо осуждали за многое, но не ста-

вили себѣ задачи раскрыть тайну загадочной глубины его сердца и найти объясненіе бывшихъ въ немъ противорѣчій. Нужно отмѣтить, что, конечно, не одно врожденное дарованіе, талантъ дали ему положеніе и славу, — онъ, кромѣ того, былъ человѣкомъ глубоко образованнымъ, много читавшимъ и изучавшимъ, прекраснымъ юристомъ, съ особымъ благоговѣніемъ относившимся къ скрижалямъ русскаго суда, судебнымъ уставамъ. Имъ онъ посвятилъ нѣсколько рѣчей, сказанныхъ на юбилейныхъ обѣдахъ 20 ноября, и одну изъ этихъ рѣчей онъ закончилъ блестящимъ художественнымъ сравненіемъ: „къ одушевленному животу да не коснется рука скверныхъ". И если можно говорить объ араторскомъ краснорѣчіи, какъ искусствѣ, какъ художественномъ творчествѣ, говорить о моментахъ вдохновенія, которые приближаютъ оратора къ поэту, то едва ли къ кому-либо такъ подходятъ слова поэта, какъ къ покойному Плевако: „возстань пророкъ и виждь и внемли, глаголомъ жги сердца людей" (онъ возставалъ и видѣлъ и жегъ сердца людей). А. Ф. Кони, рисуя картину будущаго развитія русской адвокатуры, говорилъ, что у Плевако имѣлись задатки народнаго трибуна, что если бы политическая жизнь Россіи шла по иному пути, то несомнѣнно, Плевако сталъ бы во главѣ политической партіи и сталъ бы, какъ его собратья на Западѣ, политическимъ дѣятелемъ. Съ этимъ трудно согласиться. Плевако никогда не могъ быть политическимъ дѣятелемъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Плевако не укладывался ни въ какія политическія рамки; онъ могъ вліять на массы, но не могъ массами управлять. За короткій срокъ своей политической дѣятельности, на политическихъ собраніяхъ, въ качествѣ члена Государственной Думы, Плевако, какъ политикъ, былъ ниже себя, какъ адвоката. У него было стремленіе и умѣніе защитить, объяснить, оправдать, но ему недоставало обобщающихъ началъ, онъ не ставилъ себѣ задачи созданія правовыхъ нормъ, наличность которыхъ даже можетъ быть упразднила бы необходимость его защиты, созданія гарантій правовой жизни, реформы отжившаго русскаго строя. Это довлѣло другому русскому адвокату, первому зодчему конституціи Россіи, С. А. Муромцеву.

„Кого мы хоронимъ, — возглашалъ надъ его могилой русскій народный трибунъ Родичевъ, — хоронимъ ли мы знаменитаго ученаго, профессора, замѣчательнаго юриста или общественнаго дѣятеля,

хоронимъ ли мы извѣстнаго адвоката? Нѣтъ, мы хоронимъ перваго предсѣдателя первой Государственной Думы". Муромцевъ принадлежитъ не одной адвокатурѣ, имъ гордится вся Россія и имя его перешло въ исторію. Но нельзя забыть, что Муромцева Россіи дала адвокатура и въ этотъ торжественный моментъ наше право и обязанность помянуть того, кто воплотилъ въ себѣ стремленіе многихъ поколѣній къ политической свободѣ, кто сталъ символомъ новой конституціонной Россіи. Сергѣй Андреевичъ не сразу попалъ въ адвокатуру. „Мы, т.-е. адвокаты, — говорилъ Спасовичъ, — какъ кошъ казацкій съ радостью подаемъ братски руку бѣглецамъ, которые по красноватому цвѣту своихъ убѣжденій найдены неподходящими въ другомъ мірѣ". Такъ же, какъ Спасовичъ, къ числу такихъ бѣглецовъ, не по своей волѣ, оставившихъ каѳедру профессора, принадлежалъ Муромцевъ и не одно славное имя такихъ бѣглецовъ блеститъ въ лѣтописяхъ россійской адвокатуры. Ученый, съ европейскимъ именемъ, профессоръ римскаго права вошелъ въ адвокатуру не по своей волѣ и, нужно сказать по правдѣ, она мало подходила къ его характеру, къ его наклонностямъ и всю жизнь онъ чувствовалъ себя въ адвокатурѣ не совсѣмъ на мѣстѣ. Работа въ кабинетѣ ученаго надъ отвлеченными правовыми нормами, многолѣтняя профессорская дѣятельность не могли не наложить опредѣленной печати на весь складъ его ума, на оцѣнку жизненныхъ явленій, на самую манеру его судебной рѣчи. Наиболѣе цѣнной была его дѣятельность, въ области адвокатуры, въ качествѣ консультанта — изслѣдователя вопросовъ, съ точки зрѣнія закона, отвлеченной нормы; въ качествѣ боевого адвоката, его упрекали въ нѣкоторой докторальности, поучительности тона, въ извѣстной теоретичности и на первыхъ шагахъ своего адвокатскаго поприща онъ съ трудомъ долженъ былъ себѣ пробивать дорогу въ новой сферѣ. Но глубокое знаніе, всестороннее образованіе, умѣніе разрѣшать самыя сложныя юридическія проблемы, выдающійся умъ и личное обаяніе, въ концѣ концовъ создали дло него большой авторитетъ адвоката, какъ среди судей, такъ и въ сословной коллегіи.

Въ немъ и судъ и адвокатура всегда видѣли юриста-учителя, наставника, излагающаго мудрость права, направляющаго всю силу своего ума на достиженіе высшей цѣли справедливости. Для него каждый отдѣльный процессъ не былъ простой борьбой житейскихъ

интересовъ, а столкновеніемъ отвлеченныхъ принциповъ юридической мысли, въ преторскомъ служеніи которой онъ создавалъ свою гармоническую систему современнаго права.

Говоря о его рѣчи ее нельзя сравнивать ни съ типомъ краснорѣчія, полнаго юмора и блестящаго анализа, князя Урусова, ни съ глубинами психологическихъ изслѣдованій пламеннаго таланта Плевако, ни съ силой логическихъ абстрактныхъ построеній и эффектныхъ софистическихъ положеній, гипнотизировавшихъ слушателей, Пассовера. Муромцевъ былъ своеобразенъ и по своему прекрасенъ. Прежде всего его наружность. Сравнительно высокаго роста, стройный, до конца дней своихъ державшійся какъ струна, съ высоко поднятой античной головою, матовымъ лицомъ, обрамленнымъ черными, какъ смоль волосами, въ послѣдніе годы побѣлѣвшими, Сергѣй Андреевичъ всей своей осанкой, полной строгаго благородства, производилъ импозантное впечатлѣніе. Его рѣчь, стройная и спокойная, не захватывала слушателя, не вызывала въ немъ большихъ волненій и переживаній, она приковывала вниманіе силою логики, гармоничностью построенія всей рѣчи, планомѣрно ведущей къ опредѣленному выводу, ясно и естественно завершающему цѣпь сложныхъ разсужденій. Онъ не отличался полемическимъ задоромъ, не любилъ такихъ состязаній и преисполненный всегда глубокаго уваженія къ личности онъ съ большимъ терпѣніемъ выносилъ нападки болѣе страстнаго противника. Придавая громадное значеніе формѣ, въ жизни, въ рѣчи, въ письменномъ изложеніи, Муромцевъ относился съ извѣстнымъ пренебреженіемъ, даже къ цѣнному и значительному, но не обработанному и лишенному надлежащей формы, существу. Идея требуетъ точнаго опредѣленія, жизнь требуетъ планомѣрныхъ и оформленныхъ дѣйствій. Для своей рѣчи онъ искалъ образцовъ у русскихъ классиковъ-законодателей и любилъ пользоваться слогомъ и стилемъ Сперанскаго. Въ личномъ обращеніи, внѣшне сдержанный и нѣсколько холодный, въ дѣйствительности мягкій и простой, онъ не сразу привлекалъ; эта его манера держать себя ему мѣшала въ дѣятельности адвоката, но зато она создала большой красоты фигуру — предсѣдателя Законодательной Палаты, пластичность формъ котораго, точно изъ мрамора ваяныхъ, просилась на пьедесталъ художника-скульптора. Послѣ оставленія университета Сергѣй Андреевичъ окунулся съ

головою въ общественную работу, въ земствѣ, въ городской думѣ, въ сословномъ судѣ, въ юридическомъ обществѣ. Слишкомъ памятна всѣмъ его дѣятельность, слишкомъ хорошо всѣмъ она знакома, чтобы. о ней слѣдовало говорить. Вся подготовительная, незамѣтная для непосвященнаго глаза, работа надъ политической мыслью дореформенной Россіи, всѣ тѣ подснѣжные ручейки еще невидимые, но уже разрушающіе ледяные оковы и готовящіе побѣдный гимнъ народной волѣ и свободѣ, было дѣломъ неустанныхъ трудовъ Муромцева. Его перу принадлежитъ проектъ конституціи Россіи. Еще въ дѣтствѣ Сергѣй Андреевичъ увлекался архитектурой и стратегіей, рисовалъ на пескѣ всякаго рода планы и судьбѣ угодно было завершить его жизненный путь, поставивъ на мѣсто строителя жизни Россіи. Вынесенный могучей волной демократическаго движенія онъ съ большимъ достоинствомъ, скажу прямо, величіемъ, выполнилъ свою историческую роль. Едва ли не наиболѣе выдающейся формой его дѣятельности было предсѣдательствованіе. То что въ жизни можетъ быть ему иногда мѣшало, то на мѣстѣ предсѣдателя Государственной Думы поднимало на громадную высоту. Вся его блестящая наружность этому способствовала: спокойный, ровный, торжественный онъ придавалъ особую помпезность засѣданію и, какъ выразился одинъ изъ депутатовъ, священнодѣйствовалъ. Но въ Россіи нѣтъ счастливыхъ людей. Великіе поэты умираютъ раньше времени отъ слѣпого случая, конкурирующаго съ безразсудной тратой страной народныхъ силъ, великіе писатели заточеніемъ платятъ за свое желаніе служить освобожденію родины; таковъ удѣлъ и политическихъ дѣятелей. На склонѣ дней не миновала эта чаша и перваго предсѣдателя русскаго парламента. Тому, кто былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ переживаній, особенно дороги недавнія воспоминанія о товарищѣ-учителѣ. Особенно памятнымъ является прекрасный обликъ, гордаго сознаніемъ исполненнаго долга, внутренней силой, философа, съ спокойствіемъ переносившаго немалыя лишенія. Сергѣю Андреевичу свойственна была нѣкоторая склонность къ мистицизму, къ рѣшенію многихъ вопросовъ и проблемъ въ зависимости отъ неизбѣжнаго, отъ торжества фаталистическихъ началъ. Но его исканія, его мистицизмъ — это не мессіанизмъ славянофиловъ, не вѣра въ предназначеніе свое и своего народа, а скорѣе утренній протестъ противъ слиш-

комъ большого властвованія надъ душою человѣка строгаго позитивизма, устраняющаго всецѣло начала божества. Если у Урусова настольной книгой былъ Флоберъ, если Плевако находилъ вдохновеніе въ священномъ писаніи, то Муромцеву ближе всего были Іерингъ и Бенжаменъ Констанъ. Но на ряду съ этимъ на его столѣ всегда лежала библія, въ которой онъ черпалъ не форму для своихъ мыслей, а наставленіе о премудрости, наставленіе, содержащееся въ книгахъ Соломона и Іисуса сына Сирахова.

Муромцевъ проложилъ путь русской адвокатурѣ къ западноевропейскимъ образцамъ адвокатовъ — политическихъ дѣятелей, руководящихъ жизнью страны, неустанныхъ борцовъ за болѣе совершенныя формы государственной и общественной жизни и пріобщилъ русское имя къ Пантеону славныхъ европейскихъ дѣятелей: Парнель — защитникъ національной свободы, борецъ за права Ирландіи, Мадзини — объединитель Италіи, Гамбетта — создатель современной Франціи, героически борющейся за лучшіе идеалы человѣчества и Муромцевъ — строитель конституціонныхъ формъ Россіи. Съ чувствомъ глубочайшаго піэтета помянемъ славныя имена эпохи, еще незаконченной борьбы за право и свободу, и воздадимъ благодарность судьбѣ за то, что она дала намъ возможность жить въ это дивное время, видѣть незабвенныхъ дѣятелей адвокатуры и духовно пріобщиться къ ихъ созидательной работѣ, а грядущимъ поколѣніямъ, которыхъ творческій трудъ еще впереди, скажемъ словами Юлія Словацкаго:

„Пусть форма вамъ подчинена,
И пусть слова ласкаютъ слухъ,
Но въ созиданьи цѣль одна:
Пусть форму насыщаетъ духъ“.

Предсѣдатель Совѣта Д. Н. Доброхотовъ прочиталъ привѣтственную телеграмму *Г. Министра Юстиціи:* „Привѣтствую Московскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ съ знаменательнымъ юбилеемъ пятидесятилѣтняго служенія правосудію на началахъ, установленныхъ волею въ Бозѣ почившаго ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ВТОРОГО, искренно желаю Московской Адвокатурѣ преуспѣнія въ плодотворной дѣятельности. Сожалѣю, что по служебнымъ обстоятельствамъ лишенъ возможности лично присутство-

вать на торжественномъ собраніи. Министръ Юстиціи Макаровъ",

Старшій Предсѣдатель Судебной Палаты С. А. Линкъ: Господа присяжные повѣренные, позвольте вамъ принести душевное поздравленіе со днемъ вашего 50-лѣтняго служенія суду и родинѣ и пожеланіе всего лучшаго.

Прокуроръ Судебной Палаты Н. Н. Чебышевъ. — Приношу московской адвокатурѣ сердечныя поздравленія и благопожеланія къ юбилею. Къ своему привѣтствію считаю долгомъ прибавить нѣсколько словъ. Мы русскіе, какъ извѣстно, не склонны отдаваться во власть воспоминаній, не любимъ торжественныхъ церемоній. А теперь особенно стараемся поскорѣе ихъ отбыть, потому что переживаемыя событія мало способствуютъ подведенію итоговъ и спокойному созерцанію прошлаго. А можетъ быть — кто знаетъ — большое счастье, что у насъ есть годовщины. Образы прошедшаго соединяютъ насъ, не соединенныхъ и стремящихся итти каждый своимъ путемъ. Въ образахъ прошедшаго мы находимъ успокоеніе отъ всего настоящаго. Въ нихъ мы черпаемъ надежду.

Когда-то тоже говорили, что нѣтъ людей для судебной реформы Явились Уставы, явились и люди, дѣло которыхъ для насъ, даже для насъ, умудренныхъ 50-лѣтнимъ опытомъ, должно служить примѣромъ. Въ памяти проносится цѣлый рядъ славныхъ именъ московскихъ адвокатовъ, большихъ русскихъ людей, разсыпавшихъ въ этой залѣ сокровища мысли и художественныхъ воплощеній и мы твердо вѣримъ, что на каждый спросъ, когда потребуютъ обстоятельства, въ избыткѣ явятся нужные странѣ таланты... Правду сказалъ писатель, когда заявилъ, что Россія растетъ отъ бѣды до бѣды.....

Адвокаты и прокуроры подвержены одной профессіональной болѣзни. Они склонны всюду вносить за собой боевое настроеніе, наросшее въ разгоряченной атмосферѣ залы суда. Но каждый представитель государственнаго обвиненія вамъ скажетъ, что онъ только тогда спокоенъ и съ полной увѣренностью исполняетъ свой долгъ когда находится у обвиняемаго защитникъ. Адвокатура и прокуратура два лица одного и того же сложнаго существа. Это тотъ же двуликій богъ древней Эллады — Янусъ. Подобно ему, наши взоры устремлены въ разныя стороны, но сердце у насъ бьется, должно биться одно.

Судебная истина имѣетъ два ключа: она рождается въ борьбѣ двухъ началъ и чѣмъ больше вложено въ эту борьбу защитой и обвиненіемъ таланта, ума, искреннихъ, страстныхъ, исканій, творчества, тѣмъ глубже проникаетъ судъ въ подлежащіе разрѣшенію случаи, тѣмъ ярче выступаютъ его оттѣнки, изгибы, переливы, трепетъ жизни, тѣмъ вѣрнѣе устремляется разумъ суда къ самой сердцевинѣ дѣла, къ тому, чего не постигнуть одной логикой, знаніемъ кассаціонныхъ рѣшеній и доктриной права. Въ этомъ глубокій смыслъ судебныхъ состязаній. Вотъ почему адвокатъ и прокуроръ другъ безъ друга, безъ своего направленнаго другъ противъ друга враждебнаго порыва обойтись не могутъ. Изъ пламени судебной борьбы рождается слово, а изъ слова рождается свѣтъ, озаряющій явленія жизни.

Спѣша обратно къ нашей работѣ, унесемъ съ собою туда охватившее насъ здѣсь единеніе. Только забывъ разногласія, примирясь съ неизбѣжными тяжелыми условіями существованія, не страшась самыхъ трудныхъ жертвъ — жертвъ маленькихъ, невзрачныхъ, ежедневныхъ, упорно трудясь каждый въ своей области для единой цѣли — для побѣды, — мы поможемъ родинѣ довести съ успѣхомъ до конца выпавшій ей на долю подвигъ, мы изъ бурныхъ волнъ времени вынесемъ на берегъ нашъ просвѣтленный, очищенный страданіемъ государственный ковчегъ.

Предсѣдатель Окружнаго суда Д. Д. Ивановъ. — Присяжная адвокатура посвящаетъ свою дѣятельность благородному дѣлу защиты нарушенныхъ и угрожаемыхъ правъ и московская адвокатура на этомъ прекрасномъ поприщѣ за 50 лѣтъ своего служенія положила громадныя силы, успѣшно выдвигая изъ своей среды рядъ, если можно такъ выразиться, гигантовъ-адвокатовъ и привыкла проявлять то свое драгоцѣнное свойство, которое заключается въ особой даровитости и талантливости, усвоила себѣ какъ бы традицію таланта. И въ настоящее время, какъ и всегда, проявляетъ себя въ области глубокаго анализа, юридическаго и логическаго, такъ и въ плѣнительной области художественной рѣчи самой высокой красоты. Судъ относится съ величайшей чуткостью къ заслугамъ каждаго адвоката и потому въ сегодняшній день, въ день 50-лѣтняго юбилея, я отъ имени того высокаго судебнаго установленія, къ которому имѣю честь принадлежать — отъ имени Москов-

скаго Окружнаго суда радъ и счастливъ принести московской адвокатурѣ привѣтствіе, поздравленіе, выраженіе сочувствія въ ея работѣ и пожеланіе дальнѣйшаго славнаго будущаго съ такимъ же рядомъ крупныхъ именъ и большихъ людей, которые украшали московскую адвокатуру до сего времени.

Прокуроръ Окружнаго суда М. И. Скаржинскій. — Приношу привѣтствіе московской присяжной адвокатурѣ въ день 50-лѣтняго юбилея, прошу принять пожеланіе дальнѣйшаго преуспѣнія на томъ трудномъ поприщѣ служенія праву и правдѣ, на которомъ прошли эти 50 лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу передать наше горячее привѣтствіе и самое искреннее уваженіе тѣмъ отсутствующимъ членамъ сословія, многочисленнымъ представителямъ сословія московской присяжной адвокатуры, которые въ настоящее время подъ знаменемъ доблестной русской арміи грудью отстаиваютъ наше отечество отъ поползновеній злобнаго врага, поправшаго тѣ высокіе идеалы, которымъ всѣ мы служимъ до конца жизни. Въ день 50-лѣтняго юбилея приношу сердечное привѣтствіе московской присяжной адвокатурѣ.

Военный судья С. С. Абрамовичъ-Барановскій. — Предсѣдатель Военно-Окружнаго суда генералъ-лейтенантъ Домбровскій просилъ меня передать Совѣту Присяжныхъ Повѣренныхъ его глубокую благодарность за приглашеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить его чрезвычайное сожалѣніе, что онъ не могъ лично присутствовать вслѣдствіе своей болѣзни. Вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдатель московскаго Военно-Окружнаго суда поручилъ мнѣ выразить привѣтствіе московской присяжной адвокатурѣ. Сегодня московская присяжная адвокатура торжественно празднуетъ знаменательный юбилей 50-лѣтія ея существованія, а въ будущемъ 1917 году исполняется 50-лѣтіе изданія военно-судебныхъ уставовъ и существованія преобразованныхъ военно-судебныхъ установленій. Такимъ образомъ между московской присяжной адвокатурой и московскимъ военно-окружнымъ судомъ существуетъ тѣсная связь по времени существованія. Но существуетъ между ними еще болѣе тѣсная связь—внутренняя связь сотрудничества въ дѣлѣ правосудія. Составители военно-судебныхъ уставовъ, среди которыхъ имѣются славные и извѣстные всѣмъ намъ дѣятели эпохи Императора Александра II, нашли необходимымъ распространить благодѣтельныя

начала присяжной адвокатуры и на военный судъ и соотвѣтственнымъ образомъ выразили это въ военно-судебныхъ уставахъ. Съ тѣхъ поръ началось постоянное и непрерывное сотрудничество присяжной адвокатуры и военно-окружнаго суда. Сотрудничество это было сначала по закону весьма широко, такъ какъ присяжная адвокатура допускалась къ защитѣ въ военный судъ по всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, какъ воинскимъ, такъ и общимъ. Затѣмъ при пересмотрѣ военно-судебныхъ уставовъ выдѣлена была часть преступныхъ дѣяній, по которымъ не допускалась присяжная адвокатура. Но тѣмъ не менѣе и по дѣйствующему закону сотрудничество между присяжной адвокатурой и военно-окружнымъ судомъ осталось достаточно обширнымъ. Благодаря условіямъ нашей государственной жизни, это сотрудничество въ теченіе 50-лѣтняго срока постоянно расширялось. Московскій военно-окружный судъ въ теченіе этого пятидесятилѣтняго сотрудничества имѣлъ возможность во многихъ случаяхъ удостовѣриться въ томъ, какъ честно и благородно московская присяжная адвокатура осуществляла свое высокое призваніе въ дѣлѣ служенія истинѣ и правосудію. Въ уголовномъ судѣ передъ присяжнымъ адвокатомъ всегда стоятъ двѣ задачи, одинаково важныя, которыя, на первый взглядъ, кажутся несовмѣстимыми. Съ одной стороны присяжная адвокатура учреждена для интересовъ государственныхъ, для содѣйствія раскрытію преступленій. Съ другой стороны, по закону, присяжный повѣренный есть не только защитникъ, но опора и помощникъ человѣческой личности въ ея столкновеніяхъ на юридическомъ пути со всемогущимъ государствомъ. Для того, чтобы совмѣстить эти обѣ задачи, осуществить ихъ въ одномъ органѣ, для этого надо обладать огромнымъ тактомъ, нужно обладать просвѣщеннымъ, глубокимъ и тонкимъ пониманіемъ. Московскій военно-окружный судъ съ признательностью можетъ удостовѣрить, что представители московской присяжной адвокатуры въ его засѣданіяхъ всегда проявляли именно этотъ тактъ и именно такое высокое пониманіе своихъ задачъ и обязанностей. Московскій военно-окружный судъ всегда высоко цѣнилъ и привѣтствовалъ участіе присяжной адвокатуры въ дѣятельности суда,—участіе, которое проявлялось какъ въ освѣщеніи всѣхъ сторонъ дѣла, такъ и въ оживленіи военно-судебной практики путемъ возбужденія адвокатами вопросовъ, которые затѣмъ разрѣшались

главнымъ военнымъ судомъ. Въ настоящее время, во время настоящей войны, связь московскаго военно-окружнаго суда съ присяжной адвокатурой стала еще болѣе тѣсной, такъ какъ многіе представители присяжной адвокатуры мобилизованы и въ настоящее время прикомандированы къ военно-окружнымъ судамъ и тамъ съ честью и плодотворно исполняютъ тѣ обязанности, которыя на нихъ возлагаются. Поэтому московскій военно-окружный судъ привѣтствуетъ дорогихъ сотрудниковъ въ лицѣ московской присяжной адвокатуры, празднующей торжественно свой юбилей, и выражаетъ свое искреннее пожеланіе процвѣтанія московской адвокатуры. Московскій военно-окружный судъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ также и пожеланіе, чтобы и впредь продолжало гордо и высоко развиваться знамя служенія московской адвокатуры правдѣ и правосудію.

И. д. прокурора военно-окружнаго суда полковникъ Гуторъ.— Сегодня, въ этотъ торжественный день для московской адвокатуры, я, временно стоящій во главѣ московскаго военно-прокурорскаго надзора, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ и удовольствіемъ принести отъ лица надзора пожеланіе московской адвокатурѣ въ будущемъ такой же славной и плодотворной дѣятельности, которая была въ предшествующія 50 лѣтъ проникнута уваженіемъ къ закону и уваженіемъ къ человѣку. Вспоминая свою сравнительно небольшую по времени судебную дѣятельность, я лично на основаніи своихъ впечатлѣній и впечатлѣній моихъ близкихъ начальниковъ и старшихъ товарищей, долженъ сказать, что военно-прокурорскій надзоръ московскаго суда всегда какъ на каѳедрѣ, такъ и при обсужденіи различныхъ юридическихъ вопросовъ видѣлъ въ представителяхъ московской адвокатуры, защитникахъ подсудимыхъ, своихъ сотрудниковъ и сотоварищей. Вспоминая это въ прошлое время, эту связь военно-прокурорскаго надзора съ адвокатурой, связь, которая съ 1905 года особенно была тѣсна благодаря массѣ очень важныхъ и серьезныхъ дѣлъ, переходящихъ въ военно-окружный судъ, я хотѣлъ бы, чтобы и впредь дѣятельность военно-прокурорскаго надзора и дѣятельность присяжной адвокатуры направлялась тѣмъ же общимъ началомъ—стремленіемъ къ истинѣ, обнаруженію дѣйствительной виновности человѣка, дабы могли сказать, какъ представители военно-окружнаго суда, такъ и представители адво-

катуры слова поэта изъ пѣсни о вѣщемъ Олегѣ: „Бойцы вспоминали минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они".

Отъ имени Московскаго Коммерческаго Суда сказалъ привѣтствіе Предсѣдатель Коммерческаго Суда А. Г. Кротковъ.

Отъ имени Московскаго Столичнаго Мирового Съѣзда сказалъ привѣтствіе Предсѣдатель Съѣзда Н. В. Кадышевъ.

Московскій городской голова М. В. Челноковъ. — 50 лѣтъ тому назадъ въ лицѣ М. И. Доброхотова, самая фамилія котораго такъ соотвѣтствуетъ свѣтлой памяти о его прекрасной личности и его первыхъ товарищей по сословію, первый московскій адвокатъ сталъ въ уголовномъ процессѣ рядомъ съ подсудимымъ какъ вѣрный слуга правосудія, какъ стражъ, какъ стойкій и талантливый борецъ за справедливость и достоинство человѣка. Какъ участникъ гражданскаго процесса, онъ внесъ въ него добросовѣстное и научное исканіе истины. Черезъ кипящій водоворотъ жизни и всевозможныхъ ея искушеній при всякихъ затрудненіяхъ московская адвокатура, со своимъ самоуправленіемъ во главѣ, чистымъ пронесла знамя, врученное ей безсмертнымъ творцомъ великой судебной реформы и сегодня мы видимъ, что сословіе одушевляютъ тѣ же идеалы, которые путеводной звѣздой стояли передъ первыми вашими товарищами. Въ жизни Москвы присяжный повѣренный сталъ большой, замѣтной, незамѣнимой величиной. Москва привыкла видѣть своихъ присяжныхъ повѣренныхъ не только на ихъ профессіональномъ посту: виднѣйшіе представители московской адвокатуры были всегда работниками и въ сферѣ общественной и политической жизни страны, въ частности въ близкой намъ сферѣ дѣятельности московскаго городскаго самоуправленія. Въ спискахъ гласныхъ московской думы мы видимъ рядъ именъ присяжныхъ повѣренныхъ, занимающихъ почетныя мѣста наиболѣе отвѣтственныхъ работниковъ и среди нихъ—С. А. Муромцевъ, изъ скромныхъ рядовъ гласныхъ Московской Думы по волѣ Москвы ставшій ея первымъ избранникомъ въ первой Государственной Думѣ, гдѣ онъ, какъ предсѣдатель Думы съ такой непоколебимой твердостью, знаніемъ и достоинствомъ сумѣлъ явить значеніе новаго государственнаго строя Россіи.

Московская Городская Дума въ засѣданіи своемъ 6 сентября единогласнымъ приговоромъ своимъ поручила мнѣ, какъ городскому Головѣ, лично привѣтствовать Совѣтъ Московской адвокатуры по

случаю исполняющагося сегодня, 23 сентября, 50-лѣтія со дня перваго засѣданія перваго Совѣта московской адвокатуры. Съ особымъ удовольствіемъ исполняя это порученіе, прошу Совѣтъ принять поздравленіе Московской Городской Думы.

Я прошу разрѣшенія сказать еще два слова. Отъ Всероссійскаго Союза городовъ будетъ принесено привѣтствіе отъ его Главнаго Комитета. Но мнѣ хотѣлось бы передать вамъ, что я, какъ уполномоченный Союза, былъ на фронтѣ и видѣлъ тамъ отрядъ московской адвокатуры. Я видѣлъ этотъ отрядъ въ непосредственной близости къ передовымъ позиціямъ. Я пріѣхалъ туда неожиданно и засталъ его въ полной и даже, если хотите, нѣсколько натянутой готовности въ каждую минуту идти на помощь туда, куда потребуютъ обстоятельства. Я вамъ могу здѣсь засвидѣтельствовать, что работа вашего отряда на мѣстѣ встрѣчаетъ всеобщее признаніе, и отъ всѣхъ воинскихъ чиновъ, съ которыми пришлось говорить, отъ генерала до солдата, я слышалъ объ этомъ отрядѣ самые лучшіе, самые сочувственные отзывы. Персоналъ отряда просилъ меня передать вамъ его сердечное привѣтствіе и поклонъ. Я думаю, что лучше всего это я могу сдѣлать въ сегодняшнемъ торжественномъ засѣданіи. Исполняя это порученіе персонала вашего отряда, я съ чувствомъ искренняго удовлетворенія могу сказать, что нашъ Всероссійскій Союзъ городовъ испытываетъ чувство величайшаго удовлетворенія, что вашъ отрядъ достойно работаетъ подъ его флагомъ.

Представитель Главнаго Комитета Всероссійскаго Союза городовъ кн. С. А. Друцкой. Отъ имени Всероссійскаго Союза городовъ по порученію его Главнаго Комитета привѣтствую сословіе московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Юная, но уже могучая общественная организація шлетъ привѣтствіе крѣпкой, сильной и единой ей по идеаламъ корпораціи московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ. Юный братъ изъ семьи работниковъ на общественной нивѣ привѣтствуетъ неутомимыхъ глашатаевъ права и правды. Между Союзомъ городовъ и вами есть несомнѣнная идейная связь. Союзъ городовъ и вы работаете во имя добра, во имя помощи ближнему. Но помимо идейной связи существуетъ, несомнѣнно, и связь фактическая. Сейчасъ уже главноуполномоченный Союза городовъ отмѣтилъ наше непосредственное участіе въ дѣлѣ помощи раненымъ и боль-

нымъ воинамъ. Многіе изъ вашихъ представителей работаютъ и въ другихъ областяхъ дѣятельности городского союза. Особенно должно быть отмѣчено, какъ мнѣ кажется, и выдѣлено участіе вашихъ представителей въ юридическомъ отдѣлѣ Союза городовъ. Тысячи и тысячи вдовъ и сиротъ увѣчныхъ и обездоленныхъ военной непогодой идутъ туда, въ юридическій отдѣлъ, и находятъ утѣшеніе, совѣтъ и помощь, у беззавѣтно работающихъ тамъ вашихъ товарищей. Много уже славныхъ страницъ писано въ исторіи Союза городовъ, исключительно благодаря трудамъ вашихъ представителей. Какъ въ этихъ историческихъ стѣнахъ, такъ и въ маленькихъ комнатахъ консультаціи юридическаго отдѣла много слезъ осушено заботливой рукой вашихъ неутомимыхъ работниковъ и участниковъ юридическаго отдѣла. Множится, ширится благодарная за васъ молитва тѣхъ, кому вы, движимые лучшимъ человѣческимъ чувствомъ протягиваете руку помощи. Это пламенѣющая благодарность есть ваша лучшая награда, ваша слава, которая пройдетъ черезъ вѣка.

Представитель губернскаго земства С. К. Родіоновъ.—Я съ глубокимъ волненіемъ слушалъ сейчасъ тѣ имена, которые были здѣсь произнесены,—тѣ имена, которыя близки каждому изъ насъ, имена отцовъ адвокатуры. Я счастливъ, какъ земецъ, и горжусь, что нахожусь въ настоящій моментъ здѣсь, чтобы сказать также, что тѣ лица, о которыхъ здѣсь говорилось, въ большинствѣ случаевъ также принимали участіе и въ нашей земской дѣятельности. И вотъ, отъ имени московскаго губернскаго земства, въ день 50-лѣтняго юбилея московской адвокатуры я привѣтствую сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, образованное, какъ и земскія учрежденія, въ одну изъ свѣтлыхъ эпохъ нашей государственной жизни. Ваше сословіе, призванное защищать право и справедливость, въ теченіе 50 лѣтъ своего существованія не мало содѣйствовало развитію и укрѣпленію общественнаго самосознанія и уваженія къ закону—этихъ двухъ основъ правового государственнаго строя.

Московское губернское земство выражаетъ искреннее пожеланіе и глубокую увѣренность, что и впредь ваше сословіе, вѣрное завѣтамъ создателя реформъ 60-хъ годовъ, будетъ свободно развиваться и всегда идти впередъ, служа праву и правдѣ, помогая пролагать лучшіе пути общественной и государственной жизни.

Я кончаю свое слово и мысленно сейчасъ нахожусь съ вашими товарищами на фронтѣ, которые также стали грудью за нашу родину, и шлю имъ искреннее привѣтствіе здѣсь отъ Московскаго губернскаго земства.

Представитель уѣзднаго земства Н. В. Тулуповъ.—Господа, на меня выпала высокая честь привѣтствовать московскую адвокатуру въ день 50-лѣтняго ея юбилея отъ имени Московскаго уѣзднаго земства. Новыя судебныя установленія съ институтомъ присяжныхъ повѣренныхъ и земскія учрежденія получили свое начало, призванныя къ жизни въ ту свѣтлую эпоху русской исторіи, которую принято у насъ называть эпохой великихъ реформъ. Цѣль и задача ихъ была обновить русскую жизнь на началахъ права и общественной самодѣятельности. Какъ уже здѣсь говорилось, изъ рядовъ московской адвокатуры вышли многіе блестящіе, первоклассные общественные дѣятели, великіе люди, имена которыхъ перейдутъ въ исторію. И вмѣстѣ съ тѣмъ не мало вышло достойныхъ и извѣстныхъ работниковъ, подвизавшихся и на земской нивѣ. Среди дѣятелей Московскаго уѣзднаго земства можно назвать много именъ, вышедшихъ изъ рядовъ московской адвокатуры, цѣнныхъ работниковъ, высоко державшихъ и держащихъ знамя великихъ завѣтовъ свѣтлой эпохи 60-хъ годовъ. Позвольте мнѣ сегодня, въ торжественный день 50-лѣтняго юбилея, выразить пожеланіе, чтобы это содружество правозаступниковъ русскихъ гражданъ и дѣятелей земства продолжалось и дальше въ интересахъ широкаго развитія нашей общественности и правопорядка. Это содружество особенно необходимо, когда мы стоимъ передъ колоссальной работой строительства новой жизни, когда смолкнетъ гулъ орудій міровой войны и народъ-побѣдитель примется выковывать свое счастье и лучшее свѣтлое будущее.

Позвольте мнѣ еще разъ привѣтствовать московскую адвокатуру и принести ей низкій поклонъ отъ земскихъ людей.

Представитель Главнаго Комитета Земскаго Союза С. П. Ордынскій.—Главный Комитетъ Всероссійскаго Земскаго Союза поручилъ мнѣ обратиться къ Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ съ привѣтствіемъ Союза. Земство и адвокатура работали въ различныхъ областяхъ жизни. Но есть нѣчто, что связываетъ эти, казалось,

различныя общественныя группы. И это нѣчто, это та основа, которая давно еще, въ эпоху великихъ реформъ, породила и свободную адвокатуру и свободное самоуправленіе. Одной идеей спаяны эти учрежденія, идеей созданія новыхъ гражданскихъ отношеній, созданія новыхъ правъ человѣка и гражданина. И одно стремленіе одушевляетъ обѣ организаціи: создать такія условія, воспитать и вырастить такого гражданина. Быть-можетъ, повседневная работа иногда какъ будто отдѣляла другъ отъ друга эти связанныя идейно учрежденія, но въ острые, тяжкіе моменты русской жизни они нерѣдко говорили однимъ общимъ языкомъ и нерѣдко формулировали свои чаянія одними словами. Оглядываясь на прошедшее время, не слѣдуетъ теперь, и особенно теперь, долго останавливаться на мрачной полосѣ нашей жизни. Достаточно лишь съ сознаніемъ права на это сказать, что тотъ огонекъ, который когда-то затеплился, донесенъ сквозь темную ночь до нашего времени, и въ этомъ очень много заслужила русская, въ частности московская, адвокатура. Оглянемся назадъ и сейчасъ же перенесемъ глаза впередъ къ тому порогу, у котораго уже стоитъ будущее. Тотъ гражданинъ, о правахъ котораго такъ болѣли, онъ уже выросъ въ мѣру человѣческаго роста, и мы наканунѣ новой эпохи великихъ реформъ. Мы вѣримъ въ то, что увидимъ эту новую эпоху великихъ реформъ. И если сбудется по вѣрѣ нашей, то воцарится и то право, котораго ждала русская адвокатура, русское общество. Привѣтъ.

Представитель Московскаго университета проф. С. В. Познышевъ. — Московскій университетъ далъ мнѣ порученіе поздравить московскую присяжную адвокатуру съ 50 лѣтіемъ ея славнаго служенія. Свободное самоуправленіе адвокатуры является въ глазахъ университета однимъ изъ необходимыхъ элементовъ. Велика, по ея общественному значенію, та работа, которую выполнило сословіе въ истекшее 50-лѣтіе. Въ сегодняшній торжественный день университетъ шлетъ привѣтствіе своимъ бывшимъ питомцамъ и выраженіе глубокой скорби о тѣхъ изъ нихъ, которые пали на полѣ брани. Вмѣстѣ со своимъ привѣтствіемъ университетъ шлетъ горячее пожеланіе, чтобы дальнѣйшая дѣятельность сословія была столь же проникнута духомъ великихъ началъ.

Представитель юридическаго факультета проф. П. В. Гидулянов.—Я считаю долгомъ принести поздравленіе и пожеланіе адво-

катурѣ всего наилучшаго. Между Совѣтомъ Присяжныхъ Повѣренныхъ и между юридическимъ факультетомъ существуетъ съ давнихъ поръ великая и тѣсная связь. Эта связь не только идейная въ томъ смыслѣ, что мы изучаемъ законы, а адвокатура ихъ воплощаетъ въ жизнь. Это связь личная. Это до нѣкоторой степени личная унія. Лучшія силы, оканчивающія Московскій университетъ, онѣ идутъ по московскому же обычаю въ адвокатуру, поэтому между нашими учениками, оканчивающими университетъ, и адвокатами самая тѣсная связь. Но еще болѣе прочная личная унія, она существуетъ между профессорами—профессорами юридическаго факультета и адвокатурой. Можно смѣло сказать, что профессора юридическаго факультета они являются по своему воспитанію какъ бы частью адвокатуры. Съ давнихъ поръ у насъ повелось, съ 60-хъ годовъ, я могу вспомнить тѣ имена, которыя произносились здѣсь—Плевако, Муромцевъ... всѣ они были въ тѣсной связи съ юридическимъ факультетомъ, и они такъ же точно были представителями сословія присяжныхъ повѣренныхъ. И я думаю, что чѣмъ тѣснѣе будетъ эта связь, тѣмъ будетъ выше стоять право и идеалы справедливости и правды. Если мы на юридическомъ факультетѣ преподаемъ право, то здѣсь, въ стѣнахъ московскаго суда, въ лицѣ присяжной адвокатуры оно воплощается въ жизнь. Мы знаемъ, потому что я въ свое время имѣлъ честь состоять помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, въ свое время вышелъ въ присяжные повѣренные и съ гордостью носилъ значокъ, въ свое время разстался съ сословіемъ лишь потому, что совмѣстительство въ силу закона невозможно... И я думаю, что для насъ будетъ величайшее счастье, если будущее поколѣніе будетъ изучать право въ лонѣ московской адвокатуры, и это служеніе правдѣ будетъ продолжаться...

Юридическая наука—это до нѣкоторой степени Антей, она имѣетъ значеніе, она черпаетъ свою силу только въ соприкосновеніи съ землей, въ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Поэтому юридическій факультетъ, оторванный отъ дѣйствительности, онъ бы завялъ совершенно и зачахъ. Пусть же единеніе между адвокатурой и юридическимъ факультетомъ будетъ вѣчно, и пусть преемники наши будутъ вмѣстѣ биться подъ однимъ знаменемъ, на которомъ написаны слова: „Правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Эти слова приложимы одинаково какъ къ жизни, такъ и къ наукѣ.

Затѣмъ сказалъ привѣтствіе проф. А. М. Гуляевъ.

Представитель университета Шанявскаго проф. А. А. Кизеветтеръ.—Московскій городской народный университетъ имени Шанявскаго возложилъ на меня порученіе привѣтствовать въ сегодняшній торжественный день достоуважаемый Московскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ. Поле общественной дѣятельности, которой предаемся мы, какъ извѣстно, иное, нежели то, на которомъ протекаетъ общественная работа адвокатуры. Но между общественной дѣятельностью нашей и вашей существуютъ родственные элементы, которые дѣлаютъ насъ попутчиками, я бы сказалъ, собратьями по оружію въ общественной работѣ. Эти родственные элементы сводятся въ послѣднемъ счетѣ къ тому, что мы можемъ съ Вами сказать другъ про друга: „Мы вольныя птицы, потому что наша общественная работа обусловливается въ гораздо большей степени внутреннимъ самоуправленіемъ, нежели формальными узкими нормами, офиціальными нормами и канонами". Нашъ народный университетъ въ сферѣ народнаго просвѣщенія, не будучи связанъ офиціальной программой, имѣетъ возможность ближе, быстрѣе, подвижнѣе подходить къ удовлетворенію различныхъ образовательныхъ запросовъ, которые выдвигаетъ вѣчно обновляющаяся жизнь въ нѣдрахъ общественнаго самосознанія. Но вѣдь совершенно такъ же и адвокатура въ судебномъ процессѣ является прежде всего вѣщательницею свободно развивающагося общественнаго правосознанія, развивающагося самопроизвольно, подъ вліяніемъ вновь нарождающихся общественныхъ нуждъ, въ значительной мѣрѣ независимо отъ офиціально установленныхъ судебныхъ каноновъ. Господа, и начала устойчивости, закрѣпляемыя офиціальными канонами, и начала самопроявляющагося творчества—и то и другое начало—одинаково необходимы, конечно, въ общей экономіи государственной жизни. На ихъ гармоническомъ сочетаніи зиждется общественное благо. Но намъ по самому свойству принадлежащей намъ задачи просто ближе по духу, роднѣе, понятнѣе, какъ разъ тѣ стороны свободнаго самоуправленія и свободнаго творчества, которыя выражаетъ въ своей сферѣ дѣятельности свободная адвокатура, и мы приносимъ сегодня горячее привѣтствіе адвокатурѣ, которая доблестно и съ такимъ блескомъ служитъ общественному благу въ указанномъ мною направленіи. Мы приносимъ горячее привѣтствіе

достоуважаемому Московскому Совѣту Присяжныхъ Повѣренныхъ, какъ мощному аккумулятору общественной энергіи, отражаемой въ сферѣ судебной работы адвокатуры. Да процвѣтаетъ впредь работа Совѣта московской адвокатуры на началахъ права и правды, служенію которымъ была направлена его дѣятельность за истекшіе полвѣка его существованія.

Затѣмъ говоритъ привѣтствіе мировой судья Н. Н. Шемшуринъ.

Представитель отъ курсовъ Полторацкой Н. Н. Полянскій.— Вамъ, господа, угодно было вспомнить о нашихъ курсахъ и пригласить пожаловать на сегодняшнее торжественное засѣданіе. Съ благодарностью принимая это, совѣтъ нашихъ курсовъ прислалъ меня, чтобы передать вамъ наше привѣтствіе. Мы съ признательностью вспоминаемъ, что Московскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ первый не остановился передъ тѣмъ, чтобы принять въ ряды московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ первую женщину-юристку. Въ свое время мы и наши слушательницы съ чувствомъ удовлетворенія прочли то постановленіе московскаго адвокатскаго сословія, которое вашъ Совѣтъ отразилъ въ своей резолюціи о принятіи въ составъ сословія женщинъ. Вы писали: „Недопустимо, а для свободно самоуправляющейся корпораціи неприлично, угодливо разыскивать невысказанныя мысли законодателя для того, чтобы подавить живое явленіе новой жизни. Но если судьбѣ угодно, чтобы это случилось, то пусть не будетъ исполнителемъ ея воли руководящій органъ сословія, которое высоко цѣнитъ стремленіе женщины къ труду и самостоятельности и ея смѣлый и дѣятельный починъ".

И кромѣ того, благодарныя воспоминанія связываютъ наши курсы съ московской адвокатурой. Мы благоговѣйно вспоминаемъ, да иначе мы и не можемъ вспомнить, того представителя московской адвокатуры, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ и руководителемъ совѣта нашихъ курсовъ, кого такъ часто называли лучшимъ русскимъ гражданиномъ, того, имя котораго было впослѣдствіи увѣковѣчено,—С. А. Муромцева. Мы до полученія нами новаго устава руководились въ нашей жизни правилами, которыя мы и до сихъ поръ называемъ Муромцевской конституціей. Проникнутые этимъ воспоминаніемъ, наши курсы послали меня сюда, чтобы сказать вамъ тѣ слова, которыя два года тому назадъ вашъ предсѣдатель сказалъ о золотой книгѣ нашего законо-

дательства: „Вы вашей культурной работой вписали хорошую цифру въ тотъ чекъ, который вы можете предъявить въ русскій историческій банкъ".

Представитель московскихъ нотаріусовъ П. Н. Меморскій прочелъ нижеслѣдующій адресъ: „Въ день полувѣкового юбилея московской адвокатуры московскіе нотаріусы присоединяются къ общему хору привѣтствій и желаютъ сословію процвѣтанія, укрѣпленія внутренняго единенія и дружной плодотворной работы на благо общее.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ только что освобожденной по слову Императора Александра II Россіи, возникло Ваше сословіе и вмѣстѣ съ судомъ было призвано стать настражѣ новой гражданственности и содѣйствовать поднятію общихъ условій жизни на болѣе высокій культурный уровень. Съ тѣхъ поръ московская адвокатура никогда не забывала этой своей миссіи. Она выдѣлила изъ среды своей на протяженіи этихъ долгихъ лѣтъ выдающихся поборниковъ права, юристовъ первой величины, прославленныхъ общественныхъ дѣятелей и ученыхъ, и ихъ въ этотъ торжественный день мы хотѣли бы помянуть добрымъ словомъ. Въ наши дни великой борьбы народовъ московская адвокатура, отзывчивая какъ всегда, оказалась готовой на посильныя жертвы общему дѣлу, организовавъ свой отрядъ помощи больнымъ и раненымъ на фронтѣ. И на будущее время, мы вѣримъ, адвокатура никогда не сойдетъ со своего пути честнаго служенія родному народу. Въ напряженной работѣ всѣхъ силъ нашей страны по окончаніи войны—вѣрный залогъ возрожденія Россіи. Пусть же въ этой будущей работѣ московская адвокатура окажется достойной своего прошлаго".

Представитель Петроградскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ М. В. Каплант прочелъ нижеслѣдующій адресъ: „Сегодня, въ день пятидесятилѣтняго юбилея Московскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, Петроградскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, воодушевленный чувствами братской солидарности и высоко цѣня неустанную дѣятельность Московскаго Совѣта за долгій пятидесятилѣтній періодъ, приноситъ ему товарищескій привѣтъ и сердечныя свои поздравленія.

Московскій Совѣтъ, руководствуясь высшими общественными идеалами, всегда служилъ интересамъ сословія въ стремленіи его

къ процвѣтанію и этическому совершенствованію, какъ въ сферѣ профессіональнаго, такъ и общественнаго его служенія. Для Петроградскаго Совѣта, начавшаго нѣсколько ранѣе свою дѣятельность, въ высшей степени дорого, что на протяженіи всѣхъ пятидесяти лѣтъ дѣятельность обоихъ Совѣтовъ была связана не только общностью профессіональныхъ интересовъ и непрестаннымъ товарищескимъ общеніемъ, но и гармоническимъ совпаденіемъ тѣхъ общественныхъ идеаловъ и задачъ, которымъ былъ посвященъ ихъ трудъ.

Къ великой сословной радости всей русской присяжной адвокатуры должно отмѣтить, что дѣятельность всѣхъ остальныхъ Совѣтовъ, позднѣе возникшихъ, какъ бы примкнула и слилась съ дѣятельностью другихъ старѣйшихъ нашихъ Совѣтовъ, и въ настоящее время можно уже смѣло говорить объ общности идеаловъ, задачъ и стремленій всей нашей присяжной адвокатуры.

Въ сегодняшній торжественный для московской адвокатуры день должны быть особенно отмѣчены и горячо привѣтствуемы заслуги Московскаго Совѣта, въ дѣятельности котораго было много иниціативы и энергіи, послужившихъ основаніемъ для сліянія сословныхъ интересовъ всей русской присяжной адвокатуры и для проявленія неизмѣнной товарищеской солидарности.

Петроградскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ выражаетъ своему московскому собрату горячія пожеланія столь же ярко и энергично продолжать свою плодотворную работу на многіе годы".

Предсѣдатель Харьковскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ С. А. Козловъ прочелъ нижеслѣдующій адресъ: „Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ округа Харьковской судебной палаты обращается съ горячимъ привѣтомъ къ своему старшему по возрасту товарищу—Московскому Совѣту въ день его пятидесятилѣтняго юбилея.

Московскій Совѣтъ можетъ съ спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга оглянуться на пройденный путь. На это ему даютъ право прежде всего его опредѣленія за истекшіе полвѣка, содержащіяся въ ежегодныхъ совѣтскихъ отчетахъ. Многіе изъ нихъ—образецъ ясности мысли, глубокаго юридическаго анализа, сознанія высокихъ задачъ правосудія и обязанностей защиты.

Если составители судебныхъ уставовъ стремились къ тому, „чтобы сословіе присяжныхъ повѣренныхъ представляло самое вѣр-

ное ручательство нравственности, знанія и честности убѣжденія", то мы должны сказать, что, съ своей стороны, Московскій Совѣтъ сдѣлалъ все для осуществленія этихъ цѣлей.

Однако заслуги Совѣта идутъ далѣе служенія только сословнымъ интересамъ.

Русская жизнь безпощадна. Сегодня провозглашенныя „незыблемыя начала" завтра берутся „подъ подозрѣніе", становятся предметомъ нареканій, ненависти, жестокихъ нападокъ. Законы уступаютъ мѣсто „усмотрѣніямъ"—и горе тому, кто посмѣетъ стать на ихъ защиту.

Въ водоворотѣ такой смѣны „видовъ и предначертаній" русской адвокатурѣ не разъ приходилось чувствовать всю тяжесть суровой дѣйствительности, и если она съ честью выходила изъ тяжелыхъ испытаній, то въ этомъ отношеніи въ значительной мѣрѣ обязана той поддержкѣ, которую встрѣчала въ авторитетѣ своего представительнаго учрежденія.

Останавливаясь на этой сторонѣ дѣятельности Московскаго Совѣта, мы уже въ правѣ говорить о той грани, гдѣ служеніе сословію сливается съ служеніемъ обществу и родинѣ.

Свою преданность идеѣ этого служенія Московскій Совѣтъ запечатлѣлъ постановленіемъ отъ 24-го ноября 1904 года, въ которомъ въ годину тяжкихъ потрясеній съ непоколебимымъ мужествомъ заявилъ о необходимости широкихъ реформъ государственнаго строя и объ утвержденіи народнаго представительства.

Дѣлая это заявленіе, Московскій Совѣтъ, поднявшись на ту высоту, гдѣ адвокатъ становится гражданиномъ, вѣрилъ въ торжество права и правды, вѣрилъ въ лучшее будущее... Сердечное ему спасибо".

Адресъ отъ Казанскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ прочелъ представитель его Ф. А. Брокмиллеръ: „Дорогіе товарищи! Сегодняшній праздникъ Вашъ—не мѣстный праздникъ Москвы, а подлинное торжество всей русской адвокатуры.

Въ теченіе долгаго, пятидесятилѣтняго существованія своего Совѣтъ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ былъ не только судьею надъ своими товарищами, но и лучшимъ учителемъ и наставникомъ ихъ въ дѣлѣ уразумѣнія существа, задачъ и цѣлей адвокатуры, какъ общественнаго служенія. Въ качествѣ органа

сословной чести и совѣсти онъ создалъ обширный циклъ началъ и правилъ, опредѣляющихъ пути и способы достиженія высокихъ идеаловъ адвокатуры и получившихъ значеніе общихъ традицій всего адвокатскаго сословія Россіи.

Споспѣшествуя возвеличенію адвокатуры, какъ нравственнаго единенія, Московскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ памятовалъ всегда, что адвокатура по самой природѣ своей не можетъ, замкнувшись въ узкой сферѣ правозаступничества, отрѣшиться отъ служенія интересамъ общественности и государственности. Въ трудную эпоху недавняго лихолѣтія, когда пошатнулись устарѣвшіе устои русской гражданственности, когда адвокатура силою вещей была отвлечена отъ своихъ ближайшихъ задачъ и пріобщена къ общему политическому движенію русскаго общества, Совѣтъ и на этомъ поприщѣ не оставилъ своихъ товарищей безъ помощи и руководства. Онъ поддержалъ ихъ силою своего авторитета и благословилъ на борьбу подъ знаменемъ, которое объединило всю русскую адвокатуру и на которомъ были начертаны прекрасныя слова:

„Правда—не случайная милость судьбы, но прирожденное право человѣка".

Наконецъ, и въ тѣ тяжелые дни, которые переживаетъ Россія въ настоящее время, Московскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ сумѣлъ объединить разрозненныхъ членовъ адвокатской семьи въ одно общее цѣлое и направить силы ихъ на выполненіе выдвинутыхъ моментовъ задачъ сословныхъ и общественныхъ.

Привѣтствуя Московскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ съ истекшимъ пятидесятилѣтіемъ его славнаго служенія интересамъ русской адвокатуры, Казанскій Совѣтъ шлетъ ему сердечную благодарность за все то доброе, что онъ воспріялъ отъ него, какъ своего старшаго брата, на благо адвокатскаго сословія Россіи и отъ души желаетъ ему столь же полезной и плодотворной дѣятельности въ будущемъ".

Представитель Саратовскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ А. А. Токарскій прочелъ адресъ отъ имени Саратовскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ: „Когда на смѣну старымъ ходатаямъ эпоха великихъ реформъ выдвинула сословіе присяжныхъ повѣренныхъ, лишь немногіе предвидѣли, что оно, это новое моло-

дое сословіе, займетъ въ исторіи русской общественности одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Много вѣры въ творческія силы русскаго народа и общественности нужно было для того, чтобы надѣлить сравнительно широкими правами молодое учрежденіе, совершенно не имѣвшее корней въ прошломъ. Но жизнь оправдала эту вѣру, и русская присяжная адвокатура, оглядываясь на свое прошлое, можетъ со спокойной гордостью констатировать, что ея жизнь и самодѣятельность оправдали за минувшія 50 лѣтъ это высокое довѣріе творцовъ судебной реформы. Въ самыя тяжелыя времена, когда всѣ живые элементы общества были придавлены реакціей, пытавшейся повернуть вспять колесо исторіи, адвокатура не прекращала своего общественнаго служенія, отстаивала права гражданъ и свое самоуправленіе и служила въ извѣстной мѣрѣ контрольнымъ аппаратомъ по отношенію къ самому суду, поскольку онъ уклонялся отъ служенія закону въ сторону угожденія временнымъ видамъ правительства.

Эту миссію адвокатура могла выполнить только благодаря своей организаціи. Совѣты, опираясь на общія собранія и чутко отражая настроенія лучшей части адвокатуры, были тѣми ея органами, на долю которыхъ выпала большая часть и организаціонной работы и тяжелой борьбы. Московскому Совѣту принадлежитъ по праву въ этой работѣ и борьбѣ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Лучшіе идеалы нашего сословія, особенно же независимость его и стойкость въ борьбѣ за права и законъ, всегда находили яркое отраженіе въ трудахъ московской адвокатуры и ея представителя Московскаго Совѣта.

Саратовскій Совѣтъ, привѣтствуя своего старшаго собрата въ день его полувѣкового юбилея, можетъ лишь пожелать, чтобы его традиціи, его стойкость въ борьбѣ за лучшіе завѣты судебныхъ уставовъ и его чуткость къ общественному дѣлу долго служили для всей адвокатуры ободряющимъ и славнымъ примѣромъ и образцомъ".

Представитель Иркутскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ М. С. Стравинскій.—Иркутскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ удостоилъ меня великой чести—прислалъ въ качествѣ своего делегата на сегодняшнее торжественное засѣданіе. Я приношу поздравленіе московской присяжной адвокатурѣ въ лицѣ ея Совѣта, въ

лицѣ достоуважаемаго Предсѣдателя Д. Н. Доброхотова, въ лицѣ всѣхъ присутствующихъ здѣсь московскихъ товарищей съ полувѣковымъ юбилеемъ славнаго доблестнаго служенія праву, правдѣ и справедливости на благо дорогой родины. Въ то время, какъ въ Западной Европѣ профессорскія каѳедры, депутатскія трибуны и министерскіе портфели съ честью и съ давнихъ поръ занимали члены адвокатуры, въ то время, какъ имя адвоката стало достояніемъ всего образованнаго міра, только тогда родилась на святой Руси адвокатура. До того времени это было профессіей болѣе свободной, чѣмъ профессія сапожника или портного, но менѣе отвѣтственной. Уже въ XVIII вѣкѣ законодатель начинаетъ бороться съ этимъ видомъ адвокатуры, вышедшей или выгнанной за негодностью къ государственной службѣ изъ казенныхъ учрежденій. Имъ ставится совершенно основательно въ вину крючкотворство, жестокость, небрежность и грубая эксплоатація своихъ кліентовъ. Такъ неприглядно было на Святой Руси. Но вотъ ровно 50 лѣтъ тому назадъ въ Россіи былъ воздвигнутъ храмъ, поражающій красотой, изяществомъ и свѣтомъ, проникающимъ во всѣ уголки. Лучшіе зодчіе были приглашены трудиться надъ этимъ храмомъ. Если бы творецъ этого храма не создалъ ничего другого, то однимъ этимъ дѣломъ онъ заслужилъ бы историческое безсмертіе. Этотъ храмъ вѣнчалъ крестъ какъ символъ всеобъемлющей любви. Въ этомъ храмѣ одинъ изъ лучшихъ придѣловъ былъ предоставленъ, дорогіе товарищи, нашему служенію. Этотъ храмъ—судебные уставы 20 ноября 1864 года, зиждитель этого храма—въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II, его зодчіе—графъ Блудовъ и др. Этотъ придѣлъ, предоставленный для нашего служенія, это тѣ 53 статьи учрежденія судебныхъ установленій, начиная съ 353 до 406, которыми учреждается и регламентируется наше сословіе адвокатовъ, какъ автономное учрежденіе. И, дѣйствительно, безъ самостоятельности, безъ независимости возможно прозябаніе, а не процвѣтаніе присяжныхъ повѣренныхъ. И вотъ 17 апрѣля 1866 года образуется первый Петроградскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ. А 23 сентября—Московскій Совѣтъ. Далѣе въ высшихъ сферахъ признали, что Совѣтъ можетъ недостаточно охранять чистоту адвокатскаго сословія, недостаточно охранять интересы кліентовъ, и по закону 5 декабря 1874 года дальнѣйшее учрежденіе Совѣтовъ было пре-

кращено. Но опытъ лѣтъ показалъ всю ошибочность этого мнѣнія. Гораздо болѣе чутко слѣдилъ за поступками своихъ собратьевъ Совѣтъ. Это ярко доказалъ языкъ цифръ. Языкъ цифръ доказалъ, что въ то время, какъ на тысячу человѣкъ тамъ, гдѣ функціонируютъ Совѣты, было 300 дисциплинарныхъ взысканій, тамъ, гдѣ не было Совѣта, на 1200 человѣкъ было 190 дисциплинарныхъ производствъ. Тогда уразумѣли ошибку, и въ 1905 году послѣдовало разрѣшеніе на учрежденіе Совѣтовъ—Одесскаго, Казанскаго, Саратовскаго, Омскаго и Иркутскаго, принадлежать къ составу котораго почитаю не за честь, а за счастье. И такъ прошло 50 лѣтъ со времени учрежденія Совѣта Московскихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ. Если 50 лѣтъ въ жизни отдѣльнаго человѣка нельзя признать преклоннымъ возрастомъ, то что сказать о жизни учрежденія, которое призвано существовать не десятки, а сотни лѣтъ. Можно сказать, что это дѣтскій періодъ, и тѣмъ не менѣе въ этотъ дѣтскій періодъ вы богаты такими именами, которыя составляютъ вашу гордость. Я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ отцѣ московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, первомъ предсѣдателѣ перваго Совѣта М. И. Доброхотовѣ. Это былъ безсребренникъ въ самомъ лучшемъ, самомъ глубокомъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ неутомимымъ защитникомъ сирыхъ, угнетенныхъ и обездоленныхъ. Двери его были всегда открыты для бѣдноты, которая передъ нимъ благоговѣла. И вотъ позволю себѣ указать одинъ изъ эпизодовъ его жизни, который въ свое время былъ помѣщенъ во всѣхъ газетахъ. Какъ-то разъ, засидѣвшись въ судѣ, онъ во фракѣ со значкомъ зашелъ къ знакомымъ въ глухомъ переулкѣ. Возвращался назадъ поздно ночью. И вотъ нападаютъ на него два грабителя. „Баринъ отдайте вашу шубу. Честью отдайте, а то хуже будетъ“. Уступая силѣ, М. И. снялъ шубу и остался во фракѣ со значкомъ. Грабители обратили вниманіе на значокъ, всмотрѣлись въ его лицо и узнали... „М. И., дорогой, простите, мы ошиблись, не знали, что это вы. Простите, возьмите вашу шубу. Если что-нибудь, гдѣ-нибудь съ вами случится, скажите, что вы—М. И., и васъ никто не тронетъ, а чтобы не было непріятности, позвольте васъ проводить“. И вотъ грабители явились почетной стражей М. И. Таковъ былъ М. И. Доброхотовъ и такимъ завѣщалъ быть своимъ преемникамъ.

Затѣмъ позволю себѣ упомянуть и С. А. Муромцева, перваго предсѣдателя первой Государственной Думы, подобнаго которому нѣтъ еще предсѣдательствующаго, Ф. Н. Плевако, оратора равнаго которому не было, и кн. Урусова и, наконецъ, недавно сошедшаго въ могилу С. И. Филатова, а изъ петроградскихъ адвокатовъ Пассовера, Спасовича и др. Это все такія имена, которыми можно и должно гордиться.

Я вѣрю, я глубоко вѣрю, что недалеко то время, когда русская присяжная адвокатура займетъ подобающее ей высокое мѣсто въ государственномъ организмѣ, когда эрудиція, беззавѣтное служеніе правдѣ и праву будутъ неотъемлемой принадлежностью присяжныхъ повѣренныхъ, когда принятіе въ адвокатское сословіе будетъ считаться высокой честью и когда представители нашего сословія будутъ занимать отвѣтственные, высокіе и почетные посты въ государствѣ. Намъ до этого времени не дожить, но я обращаюсь къ молодежи—помощникамъ присяжныхъ повѣренныхъ—и вѣрю, что они всѣ мѣры примутъ къ осуществленію этихъ завѣтовъ.

Напрягайте, дорогіе товарищи, вашъ умъ, заставляйте сильнѣе биться ваше теплое молодое сердце, напрягайте всю вашу энергію и бодрость для дальнѣйшаго служенія великимъ завѣтамъ творца судебныхъ уставовъ. Исполнивъ эту миссію, вы сдѣлаетесь честью, славой, гордостью, украшеніемъ нашего сословія. Я вѣрю въ это, съ этой вѣрой я живу, съ этой вѣрой хочу умереть.

Кончая свое слово, я хочу пожелать благоденствія и дальнѣйшаго процвѣтанія, прежде всего, юбиляру — московскимъ присяжнымъ повѣреннымъ и вмѣстѣ съ ними всѣмъ русскимъ присяжнымъ повѣреннымъ, начиная отъ нашего маститаго патріарха Д. В. Стасова и до послѣдняго юриста, вступившаго сегодня въ наши ряды.

Предсѣдатель Новочеркасскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ П. П. Казмичовъ.— Съ далекаго юга московскимъ товарищамъ принесъ я горячее привѣтствіе и нашу большую вѣру, что свѣтлое прошлое московской адвокатуры обѣщаетъ ей славное грядущее. Славный юбилей московской адвокатуры суждено намъ праздновать въ черный день торжества смерти. И подъ свѣтлыя колонны этого зала въ рѣчахъ ораторовъ проникли отголоски того урагана слезъ и крови, который бушуетъ сейчасъ почти во всѣхъ краяхъ земли; и нельзя иначе. Чуткая человѣческая душа не мо-

жетъ и въ этотъ день, и въ моментъ торжества, спрятаться отъ этого горя, а тѣмъ менѣе можетъ спрятаться адвокатская душа,— душа, въ особенности чутко привыкшая принимать въ себя человѣческое горе, и мнѣ кажется, что не случайность, а есть живая, глубокая связь между тѣмъ, что происходитъ здѣсь, и тѣмъ ураганомъ горя и слезъ, который происходитъ тамъ. Въ кровавомъ заревѣ мірового пожара проступили новыя прекрасныя черты въ лицѣ Россіи. Россія сейчасъ борется за право и правду въ міровой жизни. Она оставила своего историческаго рокового спутника—Германію, это гнѣздо черной реакціи, и заключила союзъ крови съ Англіей и Франціей, съ этими оплотами общественной справедливости, и я думаю, что здѣсь предрѣшено многое. Мнѣ кажется, что Россія, борющаяся сейчасъ за завоеваніе права и правды въ международной жизни, не можетъ не бороться во всей мѣрѣ полноты за то же право и правду у себя дома, у себя на родинѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что послѣ войны Россію ждетъ правовое строительство, правовая борьба. Мнѣ кажется, что въ этой правовой борьбѣ широкій фронтъ займетъ Москва. Не только потому, что мое сердце со времени студенческихъ дней отдано Москвѣ, говорю я это. Въ этомъ убѣждаетъ меня прошлое и опытъ послѣднихъ дней. Москва въ этой правовой борьбѣ займетъ, несомнѣнно, широкій фронтъ, а во главѣ авангарда пойдутъ московскіе адвокаты, эти испытанные, сильные бойцы, которые знаютъ лавры великой борьбы за право и правду. И вотъ я принесъ сюда въ этотъ знаменательный день не только горячее привѣтствіе, но также мою и моихъ далекихъ товарищей, которые прислали меня сюда, глубокую вѣру и великое ожиданіе. Московская адвокатура дастъ тѣхъ славныхъ борцовъ, которые принесутъ, наконецъ, на землю къ намъ, въ ту Россію, гдѣ вѣковая тишина, гдѣ съ крестомъ ходитъ самъ Царь Небесный, сюда, на эту землю, принесутъ полную правду.

Представитель Кіевскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ С. Г. Крупновъ.— Своему маститому старшему собрату—Московскому Совѣту младшій изъ братьевъ — Кіевскій Совѣтъ челомъ бьетъ, желаетъ много лѣтъ здравствовать. Вѣритъ онъ, что и впредь настражѣ чести, достоинства и независимости нашего сословія будетъ тогда, когда нужно, стоять Московскій Совѣтъ. Мы глубоко убѣждены, что вслѣдъ за завершеніемъ этой неслыханной въ лѣто-

писяхъ міра борьбы Россія вступитъ въ новую эру гражданственности, въ созданіе новыхъ условій свѣтлой, правовой жизни, и въ этой работѣ, мы знаемъ, большую отвѣтственную роль придется играть и нашему сословію. Но мы не боимся труда. Мы знаемъ, что мы совладаемъ съ работой, ибо въ передовыхъ рядахъ русской адвокатуры идетъ московское сословіе, во главѣ со своимъ Совѣтомъ, и потому никакого риска въ этой борьбѣ, въ этой работѣ нѣтъ.

Почетное прошлое, достойное настоящее и блестящее будущее— вотъ какой рисуется младшему собрату исторія Московскаго Совѣта. Примите отъ насъ сердечное наше товарищеское пожеланіе и нашъ товарищескій привѣтъ.

Предсѣдатель Ташкентскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ Н. Н. Закаменный.— Далекіе ташкентскіе товарищи шлютъ вамъ свой глубокій привѣтъ и искреннее пожеланіе. Мы пріобщились къ организованному сословію только въ нынѣшнемъ году. Мы были молоды и неопытны. И въ нашемъ желаніи дать опредѣленныя задачи, опредѣленные идеалы, мы обратились къ старшимъ товарищамъ и прежде всего въ центръ—къ сердцу Россіи, къ той Москвѣ, которая такъ богата всякими организованными начинаніями, и мы убѣдились на личномъ опытѣ, что, дѣйствительно, мы попали по адресу. Мы увидѣли, что въ Москвѣ широкъ организаторскій размахъ и широки демократическія начала, на которыхъ построена вся дѣятельность московской адвокатуры. Мы нашли то, что искали. Мы убѣдились, что московская адвокатура взяла на себя великую миссію стремленія организовать всю русскую адвокатуру въ единомъ великомъ сословіи, и съ этой точки зрѣнія все то, что дѣлается московской адвокатурой, вызываетъ необычайную признательность. Иниціатива всероссійскаго съѣзда и частныхъ совѣщаній, которыя ведутъ къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ, все это взялъ на себя Московскій Совѣтъ. Мы глубоко признательны за это, и въ настоящее время мы выражаемъ не только свои горячія товарищескія пожеланія всего наилучшаго, но приносимъ великую благодарность за все то, что московская адвокатура сдѣлала не только для ташкентскихъ далекихъ адвокатовъ, но и для всего россійскаго адвокатскаго сословія.

Представитель московскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ А. М. Дѣлматовскій.— Вмѣстѣ съ сословіемъ присяж-

ныхъ повѣренныхъ съ Совѣтомъ Московскихъ Присяжныхъ Повѣренныхъ сегодня празднуютъ праздникъ и помощники присяжныхъ повѣренныхъ. Судебные уставы, какъ всѣмъ вамъ извѣстно, не упомянули о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, ничего не сдѣлали, чтобы въ болѣе точномъ смыслѣ обрисовать ихъ жизнь. Судебные уставы не предвидѣли, что присяжные повѣренные будутъ рекрутироваться исключительно почти изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Въ судебныхъ уставахъ, въ статьѣ 354, указано только, что присяжные повѣренные могутъ быть изъ числа, между прочимъ, и помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, т.-е. такихъ лицъ, которыя занимаются судебной практикой у присяжныхъ повѣренныхъ. Первые Совѣты также не представляли себѣ той роли, которая въ будущемъ должна была выпасть на долю помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Первые Совѣты Присяжныхъ Повѣренныхъ составлялись изъ числа, главнымъ образомъ, лицъ, вышедшихъ изъ судебнаго вѣдомства. Совершенно ясно, что имъ не могло прійти въ голову, что въ будущемъ только молодежь можетъ давать тѣ большіе кадры, изъ которыхъ выходятъ присяжные повѣренные, являющіеся служителями права и правды, о которыхъ судебные уставы говорили какъ о тѣхъ, которые должны быть носителями честности, нравственности и уваженія, быть отвѣтственными передъ обществомъ и быть самостоятельно управляющейся организаціей. Въ виду того, что помощники присяжныхъ повѣренныхъ являлись неизбѣжностью, явилась потребность устроить ихъ бытъ и жизнь. Въ этой области Совѣтами Присяжныхъ Повѣренныхъ сдѣлано много — въ области развитія самостоятельности, развитія знанія и въ области развитія сознанія и чувства отвѣтственности передъ обществомъ, т.-е. какъ разъ въ области тѣхъ началъ, которыя были высказаны въ мотивахъ къ 354 ст. суд. уст. Я не буду упоминать подробно эту работу Совѣта. Укажу только, что она явилась необходимой и важной для жизни помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, настолько важной, что значеніе ихъ организаціи признано и тѣмъ органомъ, который надзираетъ за дѣятельностью помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ теперь вспоминаютъ объ этой большой работѣ Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, вспоминаютъ о томъ, что его стремленіемъ было всегда призвать къ жизни

силы, которыя заложены въ молодой адвокатурѣ. Остается пожелать, чтобы въ будущемъ, за второе пятидесятилѣтіе московской адвокатуры, тѣ живыя силы, которыя таятся въ молодыхъ ея представителяхъ, чтобы онѣ были возможно полнѣе использованы на благо родины и къ чести адвокатуры.

Представитель Кіевскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ Ф. А. Михальскій. — Отъ имени кіевскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ я приношу свой низкій поклонъ и радостное привѣтствіе московской адвокатурѣ, которой исполнилось сегодня полвѣка. Вспоминая это прошлое, мы слышимъ рѣчи московскихъ златоустовъ, мы чувствуемъ трепетъ сердецъ, зажженныхъ и горящихъ священнымъ огнемъ служенія правосудію. Это вы, московскіе товарищи, дали намъ тѣ образы, которые навсегда останутся въ нашихъ сердцахъ запечатлѣнными и которые навсегда останутся для насъ примѣромъ. Отъ глубокаго сердца, отъ всѣхъ нашихъ сердецъ, взволнованныхъ искреннимъ чувствомъ товарищеской дружбы, примите нашъ поклонъ.

Затѣмъ Предсѣдателемъ Совѣта Д. Н. Доброхотовымъ были оглашены нижеслѣдующія привѣтствія:

1) „Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ. Спѣшу принести Вамъ и Совѣту Присяжныхъ Повѣренныхъ округа Московской Судебной Палаты мою живѣйшую благодарность за приглашеніе на празднованіе пятидесятилѣтія московской адвокатуры. Къ крайнему моему сожалѣнію, я не могу имъ воспользоваться, удерживаемый въ Петроградѣ нездоровьемъ и неотложными занятіями, но прошу Васъ передать Совѣту мои самыя искреннія поздравленія. Съ московской адвокатурой и ея Совѣтомъ меня связываютъ живыя воспоминанія о первыхъ годахъ ихъ общей съ магистратурой и прокуратурой работы для практическаго осуществленія началъ, вложенныхъ въ судебные уставы. Съ благодарной памятью о „медовомъ мѣсяцѣ“ новаго суда для меня связано яркое представленіе о М. И. Доброхотовѣ, князѣ Урусовѣ, Плевако, Рихтерѣ, Соловьевѣ и многихъ другихъ, чей трудъ и способности вливались въ дѣло всесторонней службы правосудію. Слѣдя по старой памяти за отчетами Московскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, я могъ не разъ убѣдиться, какъ чутко и вдумчиво относился онъ въ теченіе

пятидесяти лѣтъ къ вопросамъ, касающимся чести и достоинства сословія, и къ своей обязанности давать руководящія указанія на этическую сторону пріемовъ и задачъ правильно понимаемой адвокатуры. Пусть же эта благотворная дѣятельность Совѣта продолжается успѣшно и въ наступающее для него новое пятидесятилѣтіе, и пусть душевная бодрость и тѣлесныя силы будутъ неразлучными спутниками его нынѣ здравствующихъ членовъ. Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности. А. Кони".

2) „Царское Село, 20 сентября 1916 г. Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ. Не имѣя, по слабости здоровья, возможности пріѣхать въ Москву, спѣшу выразить искреннюю благодарность за любезное приглашеніе принять участіе въ торжествѣ 23 сентября. Очень прошу Васъ передать Совѣту лучшія мои пожеланія плодотворной попрежнему дѣятельности и процвѣтанія московской присяжной адвокатуры, сыгравшей такую блестящую роль въ исторіи нашихъ новыхъ судовъ. Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и преданности. К. Арсеньевъ".

3) „Примите, Дмитрій Николаевичъ, Вы и Ваши товарищи по Совѣту, какъ высокочтимые представители сословія, мои самые искренніе привѣты и лучшія пожеланія къ процвѣтанію дорогой намъ всѣмъ московской адвокатуры въ день ея пятидесятилѣтія, очень жалѣю, что здоровье не позволяетъ мнѣ принести лично Вамъ поздравленіе. Дмитрій Стасовъ".

4) „Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ. Прикованный къ постели упорной болѣзнью, я лишенъ счастья присутствовать сегодня на торжественномъ собраніи по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія московской присяжной адвокатуры. Состоя около полувѣка въ вѣдомствѣ Министерства Юстиціи и находясь почти 45 лѣтъ въ должности Судьи, я всегда считалъ, что и прокуратура, и адвокатура, и судъ—работники на одной нивѣ въ дѣлѣ достиженія судебной правды и всегда скорбѣлъ, когда въ общей работѣ недоставало одного изъ необходимыхъ факторовъ, именно адвокатуры, признавая постоянно ее цѣнной помощницей для всякаго суда. Нынѣ позволяю себѣ горячо привѣтствовать въ лицѣ Вашемъ московскую адвокатуру съ ея славной полувѣковой дѣятельностью не только въ области чисто судебной, но и въ сферѣ общественнаго служенія. Да продолжаетъ наша адвокатура итти прежнимъ слав-

нымъ путемъ и да процвѣтаетъ она на счастье и пользу нашей дорогой родины. Членъ консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, и Почетный Мировой Судья гор. Москвы Сергѣй Печкинъ".

5) „Привѣтствую московскую адвокатуру съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ ея служенія дѣлу русскаго правосудія, желаю дальнѣйшаго процвѣтанія. Бывшій Прокуроръ Московской Судебной Палаты Степановъ".

6) „Лишенный возможности участвовать въ сегодняшнемъ торжествѣ, шлю достойному сословію присяжныхъ повѣренныхъ искренія поздравленія съ полувѣковой славной дѣятельностью для торжества законности и правосудія, горячо желаю, дабы дальнѣйшая дѣятельность высокаго сословія получила въ будущемъ свободное развитіе на незыблемыхъ началахъ Судебныхъ Уставовъ. Vivat, crescat, floreat Присяжная адвокатура. Мержинскій".

7) „Съ глубокимъ уваженіемъ къ заслугамъ русской адвокатуры на поприщѣ правосудія привѣтствую юбилей московской корпораціи. Малченко".

8) „Привѣтствую адвокатуру Московскаго округа въ день полувѣкового ея юбилея, искренне желаю дальнѣйшаго процвѣтанія въ служеніи высокому дѣлу правосудія, низко кланяюсь уважаемому и достойному ея представителю Владиміру Андреевичу, всѣмъ членамъ Совѣта и его предсѣдателю. Мировой Судья Челищевъ".

9) „Будучи лишенъ возможности по болѣзни быть сегодня на Вашемъ торжествѣ, шлю свои горячія пожеланія болѣе тѣснаго сближенія адвокатуры съ Судомъ, желаю процвѣтанія правды; вѣра въ нее, защита и борьба за нее да будетъ долго стимуломъ идейной жизни адвоката. Мировой Судья Березниковъ".

10) „Въ день празднованія московской адвокатурой своего полувѣкового служенія правосудію шлемъ съ западнаго фронта привѣтствія и пожеланія такого же высокаго и честнаго продолженія дѣла защиты нарушенныхъ правъ и помощи просящимъ защиты. Мировые Судьи Лебедевъ и Гончаровъ. Присяжный Повѣренный Наумовъ".

11) „Юридическій отдѣлъ Всероссійскаго Союза городовъ шлетъ привѣтъ московской присяжной адвокатурѣ по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія ея существованія. Славное прошлое да

будетъ залогомъ свѣтлаго будущаго въ новыхъ условіяхъ жизни, какъ слѣдствіи великихъ современныхъ событій; защитники права утвердятъ правовые устои народнаго быта. Предсѣдатель Бюро Юридическаго отдѣла Князь Друцкой".

12) „Присоединяюсь къ привѣтствію Юридическаго Общества, шлю пожеланія продолженія славной дѣятельности въ томъ же направленіи. Товарищъ Предсѣдателя Общества Николай Давыдовъ".

13) „Юридическое Общество при Московскомъ университетѣ связано неразрывными узами съ московской адвокатурой. Громадное большинство членовъ Юридическаго Общества—члены сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Дѣятельностью Юридическаго Общества долгіе годы руководилъ одинъ изъ наиболѣе славныхъ представителей сословія—незабвенный Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ. Въ своей научной работѣ Юридическое Общество вдохновлялось тѣми же идеалами и слѣдовало тѣмъ же традиціямъ въ области правовой жизни русскаго общества, какъ и сословіе присяжныхъ повѣренныхъ въ лицѣ избираемаго имъ Совѣта. Юридическое Общество съ чувствомъ особенной признательности привѣтствуетъ московскую адвокатуру въ день юбилея ея полувѣковой службы правосудію и самоотверженной работы на защиту права и справедливости. Наряду съ Судомъ адвокатура была наиболѣе мощнымъ проводникомъ въ нѣдра русскаго общества принципа законности. Когда настало время введенія въ Россіи началъ правового государства, голосъ московской адвокатуры прозвучалъ ранѣе и смѣлѣе другихъ. Значительны и разнообразны общественныя заслуги за истекшее полустолѣтіе, какъ всего сословія присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и отдѣльныхъ представителей его. Но Юридическое Общество выражаетъ глубокую увѣренность, что въ будущемъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ самодѣятельности русскаго общества, совмѣстныя усилія представителей теоріи права и юридической практики будутъ еще плодотворнѣе, и русское общество пожнетъ плоды неустанной работы, а подчасъ и тяжелыхъ жертвъ, которыя въ прошломъ были понесены представителями передовой общественной мысли. Близится время прочнаго обновленія нашего правового строя на началахъ равенства всѣхъ передъ закономъ и широкой свободы общественнаго самоуправленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе возрастаетъ значеніе адвокатуры, какъ носительницы и поборницы высшихъ правовыхъ идеаловъ человѣчества и какъ участницы въ проведеніи

ихъ въ весь нашъ жизненный укладъ. Товарищъ Предсѣдателя Московскаго Юридическаго Общества А. Вормсъ".

14) „Московскій Коммерческій Институтъ привѣтствуетъ московскую адвокатуру въ день полувѣкового юбилея ея служенія правосудію. Мощно содѣйствуя упроченію въ широкихъ слояхъ русскаго населенія принципа законности и неустанно работая надъ созданіемъ въ нашемъ отечествѣ устойчиваго правопорядка и надъ проведеніемъ въ жизнь началъ справедливости, московская адвокатура сослужила русскому обществу великую заслугу. Да не оскудѣютъ ряды самоотверженныхъ общественныхъ дѣятелей. По порученію Учебнаго Комитета Московскаго Коммерческаго института при Моск. Ком. инст. А. Вормсъ".

15) „Не имѣя возможности лично присутствовать на славномъ торжествѣ Московскаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ, привѣтствую съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ стойкаго служенія правдѣ и праву. Новгородцевъ".

16) „Московскій Военно-Промышленный Комитетъ горячо привѣтствуетъ московскую адвокатуру, въ теченіе своей полувѣковой дѣятельности неизмѣнно стоявшую на стражѣ права и положившую такъ много труда на укрѣпленіе во всѣхъ слояхъ населенія сознанія права и чувства законности, помогая заложить прочныя основы развитію отечественной промышленности и торговли, всего болѣе нуждающихся въ усвоеніи великой Россіей началъ правового государства и въ установленіи въ ней равнаго для всѣхъ, справедливаго и устойчиваго правового строя. Военно-Промышленный Комитетъ не можетъ не отмѣтить также съ чувствомъ глубокаго уваженія того живого участія, которое московская адвокатура приняла въ общемъ порывѣ русскаго общества къ успѣшному завершенію главной нашей задачи — къ достиженію побѣды надъ врагомъ, — какъ въ лицѣ тѣхъ членовъ ея, которые сражаются въ рядахъ нашей доблестной арміи, такъ и въ лицѣ тѣхъ, кто въ тылу несетъ посильный трудъ въ общественныхъ и частныхъ организаціяхъ, работающихъ на оборону. Товарищъ Предсѣдателя Московскаго Областного Военно-Промышленнаго Комитета А. Вормсъ".

17) Дирекція Литературно-Художественнаго кружка привѣтствуетъ московскую адвокатуру въ день ея полувѣкового служенія на славномъ посту, какъ хранительницу принциповъ незабвенныхъ

судебныхъ уставовъ, независимости суда и свободы защиты, и высказываетъ пожеланіе, что въ близкомъ будущемъ условія русской жизни окажутся благопріятными для полнаго упроченія основъ права и правосудія. И. д. Предсѣдателя И. Поповъ".

18) „Московскій Народный банкъ привѣтствуетъ въ день полувѣкового юбилея московскую присяжную адвокатуру, стойкую служительницу права и справедливости. За Предсѣдателя Правленія Крыловъ".

19) „Горячо привѣтствую пятидесятилѣтіемъ Совѣта и нашей адвокатуры не лично по нездоровью. Предсѣдатель Правленія университета Шанявскаго Николай Давыдовъ".

20) „Въ день пятидесятилѣтняго обилея московской адвокатуры Московское Общество женщинъ-юристовъ шлетъ свои искреннія поздравленія и пожеланія дальнѣйшаго процвѣтанія и успѣховъ въ стойкой борьбѣ за право и справедливость".

21) „Глубокоуважаемый Дмитрій Николаевичъ. Въ день празднованія полувѣкового юбилея сословія, волею, именемъ и иждивеніемъ котораго мы на поляхъ битвъ несемъ свое посильное общественное служеніе родинѣ, я и весь персоналъ Передового Отряда Московской Присяжной Адвокатуры шлемъ сословію въ Вашемъ лицѣ наши сердечныя поздравленія, наши горячія пожеланія дальнѣйшаго могучаго расцвѣта въ правѣ и въ правдѣ и нашу вѣру, что день конечной побѣды родины надъ врагомъ будетъ и первымъ днемъ ея возрожденія къ нетлѣннымъ завѣтамъ Судебныхъ Уставовъ, призвавшихъ къ жизни сословіе. Искренно уважающій и преданный Вамъ Уполномоченный Отряда М. Коссовскій".

22) „Комитетъ Общества для пособія нуждающимся студентамъ вспоминая съ благодарностью выдающееся высокополезное сотрудничество членовъ московской адвокатуры, шлетъ сердечныя поздравленія и горячія привѣтствія. Казначей Ремезовъ. Члены: Левинъ, Постниковъ".

23) „Редакція „Вѣстника Права" привѣтствуетъ московскую адвокатуру въ ея полувѣковой борьбѣ за право и справедливость со старыми славными знаменами, мѣстами пробитыми отъ вражескихъ ударовъ, но не склоненными и не сданными. Пусть шествуетъ впередъ. Урысонъ".

24) Привѣтствую сословіе московской адвокатуры съ пятидесяти-

лѣтнимъ юбилеемъ высокаго общественнаго служенія и борьбы за правду и свободу. Почитаю за честь совмѣстно трудиться въ дѣлахъ правосудія общественности. Экспертъ-бухгалтеръ Московской Суд. Палаты и Окружнаго Суда, Главный Бухгалтеръ Московскаго Областного Военно-Промышленнаго Комитета Иванъ Адріановичъ Горбачевъ".

25) „Отъ своего имени и отъ лица присяжной адвокатуры всего округа горячо привѣтствуя старѣйшаго собрата въ день его полувѣковой многотрудной дѣятельности, Иркутскій Совѣтъ шлетъ пожеланія дальнѣйшей плодотворной при лучшихъ условіяхъ работы на святое дѣло правосудія, насажденіе и развитіе законности. Иркутская адвокатура твердо вѣритъ, что московскіе товарищи съ Совѣтомъ во главѣ, слѣдуя завѣтамъ незабвеннаго Сергѣя Андреевича Муромцева, попрежнему явятся передовыми борцами за обновленіе правового строя дорогой родины. Предсѣдатель Совѣта Фатѣевъ".

26) „Прошу Васъ передать Московскому Совѣту въ пятидесятую годовщину его дѣятельности привѣтствіе отъ лица Омскаго Совѣта и выраженіе его увѣренности, что Московскій Совѣтъ, оставаясь попрежнему хранителемъ сословныхъ традицій, сумѣетъ быть и впредь проводникомъ въ жизнь сословія всѣхъ начинаній, имѣющихъ цѣлью способствовать успѣшнѣйшему достиженію общественно правовыхъ задачъ, стоящихъ передъ присяжной адвокатурой. Исполняющій обязанности Предсѣдателя Совѣта Котляровъ".

27) „Одесскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ поздравляетъ своего стараго собрата съ полувѣковой успѣшной работой на пользу родного сословія и шлетъ московской адвокатурѣ пожеланія и впредъ также доблестно сѣять начала права и гражданственности, какъ и въ истекшемъ пятидесятилѣтіи. Floreat, crescat, gloria Титкинъ".

28) Екатеринославская адвокатура привѣтствуетъ въ день его славнаго полувѣкового юбилея Московскій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ, стойкаго хранителя сословныхъ завѣтовъ".

29) „Полтавская присяжная адвокатура привѣтствуетъ Совѣтъ съ полувѣковымъ юбилеемъ. По уполномочію товарищей Сіяльскій".

30) „Въ день полувѣкового юбилея старѣйшаго Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ Воронежская Присяжная Адвокатура отъ души привѣтствуетъ московскихъ товарищей въ лицѣ юбиляра съ ихъ торжественнымъ днемъ и сердечно желаетъ почтенному юбиляру и впредь, какъ и въ прошлые, годы плодотворной работы на пользу адвокатуры и общества и зорко и твердо стоять на стражѣ высокихъ задачъ и идеаловъ нашего дорогого сословія".

31) „Орловская Адвокатура шлетъ привѣтъ Московскимъ товарищамъ и пожеланіе обрѣсти въ единеніи силу".

32) „Въ день истекшаго пятидесятилѣтія основанной на принципахъ общественности славной дѣятельности Совѣта Присяжныхъ Повѣренныхъ Московскаго округа Курскіе Присяжные Повѣренные и ихъ помощники шлютъ дорогому имъ юбиляру свои искреннія привѣтствія и пожеланія, чтобы руководимая Московскимъ Совѣтомъ адвокатура и въ грядущіе годы продолжала стоять на стражѣ провозглашенныхъ судебными уставами 1864 года независимости и свободы всей русской присяжной адвокатуры. По уполномочію Курскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ присяжный повѣренный Вакулинъ".

33) „Въ день юбилея привѣтствуетъ костромская адвокатура уважаемыхъ избранниковъ сословія, его лучшихъ людей; за полвѣка крупную роль сыграла адвокатская корпорація въ защитѣ права и правды въ судахъ и въ борьбѣ демократіи за общественность. Въ глазахъ общества прегрѣшенія адвокатовъ, какъ и грѣхи представителей судебнаго вѣдомства, лишь плоды затяжнаго безвременья и ничтожны они рядомъ съ огромными заслугами новаго суда, который немыслимъ безъ присяжной адвокатуры и безъ большой общественной работы послѣдней; въ странѣ прочно укоренились навыки ввѣрять членамъ сословія не только въ судахъ жизнь и честь гражданъ, но и повсюду защиту широкихъ интересовъ гражданственности. Въ этомъ адвокатура черпаетъ силы для всегда трудной борьбы за свѣтлое будущее. Да живетъ и крѣпнетъ духомъ свободы русская адвокатура. По уполномочію товарищей Николай Огородниковъ".

34) „Нижегородская адвокатура привѣтствуетъ Совѣтъ съ пятидесятилѣтіемъ его плодотворнаго служенія судебнымъ уставамъ и

сословію; созданные Совѣтомъ въ согласіи съ сословіемъ традиціи въ области адвокатской этики составляютъ высокій образецъ нравственнаго кодекса и служатъ руководящимъ свѣточемъ жизни сословія и его общественнаго служенія. Преклоняясь передъ этой многолѣтней работой Совѣта, укрѣпившаго въ сословіи уваженіе къ незыблемымъ началамъ судебныхъ уставовъ Александра II, Нижегородскіе товарищи желаютъ продолженія трудовъ Совѣта на пользу сословію и обществу".

35) „Привѣтствуемъ Совѣтъ съ славнымъ пятидесятилѣтіемъ—юбилеемъ, надѣемся на свѣтлое будущее когда явится возможность укрѣпить и углубить начала права, справедливости и правды на основахъ судебныхъ уставовъ. Тульская присяжная адвокатура".

36) „Не имѣя возможности присутствовать на общемъ собраніи 23 сентября, Елецкая адвокатура проситъ Совѣтъ передать собранію товарищества привѣтствіе по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія дѣятельности сословія и пожеланіе дальнѣйшей дѣятельности свободныхъ гражданъ и въ судѣ независимомъ и равномъ для всѣхъ. По уполномочію товарищей присяжный повѣренный Чернявскій".

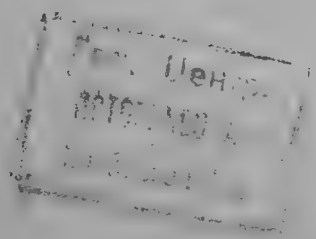
37) „Комитетъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ округа Одесской Судебной Палаты привѣтствуетъ Московскую адвокатуру въ радостный день пятидесятилѣтія ея дѣятельности проникнутой духомъ служенія высокимъ идеаламъ судебныхъ уставовъ и желаетъ въ будущемъ также самоотверженно служить правдѣ и праву. Товарищъ Предсѣдателя Комитета Слонимъ".

38) „Казанскій Комитетъ помощниковъ шлетъ привѣтствіе и поздравленіе пятидесятилѣтіемъ Совѣта, сыгравшаго выдающуюся роль въ адвокатскомъ самоуправленіи и поддержаніи сословныхъ традицій. Предсѣдатель Фармаковскій. Секретарь Таначевъ".

39) „Саратовская молодая адвокатура душевно поздравляетъ Московсвій Совѣтъ Присяжныхъ Повѣренныхъ со днемъ пятидесятилѣтія его рожденія и горячо желаетъ ему дальнѣйшаго преуспѣянія въ неуклонномъ водительствѣ молодыхъ силъ и талантовъ по пути намѣченному Судебными Уставами: За предсѣдателя Комиссіи помощниковъ Присяжныхъ Повѣренныхъ Бѣловъ".

40) „Въ виду признанной необходимости устройства дворца адвокатуры прошу Совѣтъ въ память пятидесятилѣтія сословной жизни принять и отъ меня для этой цѣли мою ленту обязательство въ суммѣ двадцать пять тысячъ рублей, которая будетъ мною погашена ежегодными взносами въ двѣ тысячи пятьсотъ рублей каждый. Дворецъ адвокатуры долженъ послужить не только для объединенія и тѣснаго сближенія всѣхъ членовъ сословія, но и для упроченія лучшихъ идеаловъ адвокатуры. Обязательство и первый взносъ двѣ тысячи пятьсотъ рублей высылаю почтою. Присяжный Повѣренный Пурицъ.

41) И четырнадцать телеграммъ отъ отдѣльныхъ членовъ сословія Московскаго Судебнаго Округа.

Типографія В. И. Воронова, преемникъ Ѳ. Л. Гаврилѣнко.
Моховая, противъ Манежа, д. кн. Гагарина.

К.п. 962.